

Татьяна
ТРОНИНА
Солнечная богиня

*истории
любви*

Татьяна Михайловна Тронина

Солнечная богиня

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178937

Солнечная богиня: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-32006-6

Аннотация

Дав приют жалкой нищенке, просящей подаяние на дороге, ты порой впускаешь в дом свою судьбу. Что же произошло с этой несчастной женщиной, позабывшей даже собственное имя и превратившейся в безумную попрошайку? Тщетно Павел пытается найти разгадку, глядя в огромные ясные глаза незнакомки. Зато он знает, что ее появление в его жизни не случайно. Он прошел Афган, закалился в горниле войны и житейских неурядиц, руки его привыкли держать тяжелый кузнечный молот, но сердце не разучилось любить и сострадать. И настает миг, когда он понимает, что не может без этой хрупкой девушки. Ольга со спокойным достоинством принимает его любовь.

Но будут ли они вместе потом, когда она вспомнит все?!

Содержание

Пролог	4
Часть первая	12
Часть вторая	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Татьяна Трoнина

Сoлнечная богиня

Прoлог

...Она стояла, прислонившись спиной к мраморной колонне, и казалось, будто ее фигура тоже выточена из мрамора: воплощение древней богини – прекрасной, но равнодушной ко всем людским горестям и радостям. Солнце пряталось в складках ее длинной белой одежды, а над головой, точно нимб, вилась золотая пыль. Это была самая обыкновенная пыль, которая свойственна всем присутственным местам, но рядом с этой женщиной любая мелочь невольно приобретала иной, мистический, смысл.

Она неподвижно смотрела в большое окно, поверх зарослей лохматых пальм в кадках – куда-то вдаль, туда, где утыкалась в ярко-синее небо игла Останкинской башни.

– М-да... – сказал профессор, очнувшись, и мизинцем почесал кончик носа. – Этуаль... С какой целью, интересно, она слетела в наш грешный мир?..

– Этуаль? – растерянно переспросил его мужчина.

И мужчина, и сам профессор – почтенный, в белом халате, с раздвоенной седой бородой, массивными очками на переносице – остановились чуть ниже, у основания лестницы,

от женщины их отделяли ступеней двадцать.

– «Этуаль» – звезда, выражаясь поэтическим языком, – пояснил профессор. – Очень эффектная женщина. Так вы, голубчик, утверждаете, что она даже имени своего не помнит?

– Нет, – печально ответил его собеседник. – Я потому и привел ее к вам, профессор, чтобы вы с этим разобрались... Хотя она просит, чтобы я ее называл Дезире.

– Как? Дезире? – оживился тот. – Очень любопытно... Наверное, тоже что-то из французской поэзии. Дезире, Дезире... М-да, как будто знакомое слово. А почему же вы думаете, что это не ее настоящее имя?

– Не знаю, – пожал плечами мужчина. – Оно слишком красиво, чтобы быть похожим на настоящее. Псевдоним, может быть...

– Ну да, – благосклонно кивнул профессор, оглаживая свою бороду. – Вообще интересный случай...

Женщина, не шевелясь, смотрела в окно, и ей как будто было безразлично, что внизу двое людей обсуждают ее.

– Именно – случай! – подтвердил мужчина. – Она попала ко мне совершенно случайно. Бог ведь что было бы с ней, если бы я не взял ее тогда к себе. Я... просто хотел ей помочь. Вы не подумайте – я никаких таких целей перед собой не ставил!

– А я и не думаю, – благодушно проворчал профессор, снимая с плеча своего собеседника невидимую соринку.

– Она мне иногда кажется совершенно нормальным человеком. Такая спокойная, рассудительная... Говорит мало и неохотно, как будто ей лень или она не видит никакого смысла в словах. Все речи логичны и просты, в основном касаются того, что она хочет, что ей нравится, или наоборот. Ни одного лишнего слова! И еще: в ней нет агрессии, но и безудержного веселья тоже. Не сразу понимаешь, что она очень далека от этого мира. Например, мы с ней часто ходим по магазинам, пару раз заглянули в косметический салон – так вот, никого она не шокировала, персонал даже не догадался о ее состоянии! Но я-то уже понял, как мало ее связывает с окружающим миром. А потом Мануйлов рекомендовал мне вас, и я сразу же отправился сюда... Как вы думаете, профессор, что с ней такое может быть?

– Ну, я не бог, я диагноз вот так, на глазок, поставить не могу, – важно ответил профессор. – Тут необходимы серьезные исследования. Ее состояние может быть вызвано, например, черепно-мозговой травмой. Или инфекцией. Вирусной патологией. Интоксикацией. Стрессом. Да чем угодно! Я уж не говорю про наследственность!

– Но это... это можно как-то исправить? Ее можно вылечить? – с надеждой спросил мужчина.

– Сейчас лечится многое, практически все... – довольно запыхтел профессор. – Гипноз, ЭСТ, то бишь электросудорожная терапия, фармакология – нейролептики, транквилизаторы, антидепрессанты, ноотропы... Наука шагнула дале-

ко вперед.

– Это хорошо, – внимательно выслушав профессора, пробормотал мужчина. – Я очень хочу, чтобы она однажды заговорила со мной. Не как с тенью, не как со слугой, исполняющим любую ее прихоть, а как с человеком.

– Для вас это так важно? – с интересом спросил профессор.

– Да.

Возникла небольшая пауза.

– Послушайте, голубчик, – наконец осторожно произнес профессор. – Правильно ли я вас понял?.. – Он затеребил дужку очков. – Знаете, это ведь не вполне этично, что вы воспользовались практически бессознательным состоянием вашей... вашей Дезире.

– Я знаю, – лицо у мужчины потемнело. – Я и не собираюсь оправдываться. Но она так захотела. Она жила у меня, и я ухаживал за ней, как за ребенком. Я же говорил уже – никаких таких целей я перед собой не ставил. А потом, в один прекрасный день, она зашла ко мне в комнату и... в конце концов, я тоже не каменный!

– Ее поведение в эти моменты?

– Вполне обычное. Естественное, – злясь на себя, мрачно произнес мужчина. – Она... я не знаю, как это объяснить... но для нее как будто нет ни добра, ни зла. Ее душа свободна, для нее не существует ни раскаяния, ни сожаления, ни мук совести. Она как солнце, как небо, как цветы... она – сама

природа. Она захотела, чтобы я ее любил, и я не смог противиться ей. Вообще мне кажется, что это весь мир сошел с ума, лишь она одна осталась нормальной... Господи, хотел бы я чувствовать себя таким же свободным, как она!

Профессор загадочно улыбнулся, а потом изрек:

– В Древней Греции символ свободной души обозначался буквой «пси» и ассоциировался с птицей или бабочкой. Психиатрия... Кстати, голубчик, я тоже не уверен, насколько нормальны мы все, и, вполне возможно, ваша Дезире – единственный счастливый человек в этом мире. И вообще понятие нормы настолько растяжимо... Психиатрия – уникальнейшая наука! – с восторгом произнес он. – В ней соединены данные о человеке и других науках, которыми он занимался и которые создал, о вселенской печали и неистовой радости, о переживаниях любви и смерти, утратах и приобретениях, о смысле жизни, в конце концов! Но что такое душа? Она связана с чувством, мыслью, другими людьми... Душа – это абсолютная загадка! До сих пор продолжается дискуссия о том, является психиатрия наукой или искусством, ведь многое здесь зависит от личности врача. Врач – это творец. Создатель. Если он талантлив, то он способен вернуть душу из ее дальних странствий в брненное человеческое тело!

Мужчина внимательно слушал профессора, не отрывая взгляда от той, что стояла на верхних ступенях лестницы.

– Так вы любите ее? – неожиданно спросил профессор. – Эту Дезире вашу?..

– Не знаю, – вздрогнул его собеседник. – Но я не могу думать ни о чем другом, кроме нее. Я, наверное, сам спятил! – с тоской воскликнул он.

– Ну-ну, голубчик, с кем не бывает! – профессор мельком оглядел себя и отряхнул подол своего халата. – Все мы когда-то проходили через это... Кстати, Авиценна в своем «Каноне врачебной науки» описывает две причины психических расстройств – глупость и любовь.

– Похоже, так оно и есть, – усмехнулся мужчина.

– Может случиться и так, что Дезире после своего выздоровления (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!) забудет о вас, – осторожно произнес профессор. – И вы навсегда потеряете ее любовь.

– Что?

– Да, голубчик, такое тоже случается! Пройдет болезнь, пройдет и любовь.

– Разве это обязательно? – растерянно спросил мужчина.

– Это весьма вероятно, скажем так.

– Я бы этого не хотел.

– Увы, мой друг, – наши желания не всегда зависят от нас.

В разговоре снова возникла небольшая пауза.

– Однажды мне приснился сон, – признался мужчина, – что Дезире здорова. И что она – не Дезире, а зовут ее Катя, Света или там Лена... И мы говорим о чем-то и не можем наговориться. Смеемся, целуем друг друга. Потом идем куда-то. Едем в путешествие. И все смеемся, смеемся, и такая

радость переполняет меня! А потом я проснулся. И вспомнил, что ни разу не слышал ее смеха. Ни смеха, ни плача, – он сбился. – Знаете, это моя мечта – чтобы она добровольно решила остаться со мной, когда придет в себя.

В этот момент их разговор прервался – откуда-то из бокового коридора выплыла толпа студентов в белых халатах. Они шумно обсуждали что-то.

– Это деменция!

– Какая деменция, когда налицо типичное кататоническое расстройство!

– Иди к черту! Тоже мне, доктор Лектер...

– А ты алкоголик! – сердился кто-то в толпе.

– Тише, тише...

– А видели, как к Семеновой тот товарищ из десятой палаты привязался? Животики можно надорвать...

– И ничего смешного!..

– А я вам говорю, что это деменция...

Шумная толпа прошла дальше. Юные голоса эхом отзывались в широких коридорах старинного здания.

Женщина у колонн шевельнулась и стала медленно спускаться по лестнице. Складки белой одежды играли у ее ног, и были видны изящные светлые ботиночки на высоких каблуках.

Ее лицо было по-прежнему спокойно и равнодушно.

Остановилась перед своим спутником.

– Я хочу уйти отсюда, – негромко произнесла она, глядя

куда-то в сторону. – Мне здесь не нравится.

– Но, милая... – терпеливо начал мужчина, взяв ее за руку.

– Я хочу уйти, – повторила она. Осторожно убрала руку и пошла к выходу.

– Голубчик, так что же мы решили? – спросил профессор, с интересом наблюдая за всей этой сценой.

– Вы же видите – она не хочет! – прошептал в ответ мужчина. – Она иногда бывает такой упрямой! Но ничего, я попытаюсь ее переубедить...

– Ну-ну... – без всякого энтузиазма пробормотал тот.

– Нет, я ее уговорю, и мы к вам вернемся. Завтра же, я думаю...

Но ни завтра, ни послезавтра, ни в другой день в стенах этого старинного здания с мраморными колоннами Дезире, равно как и ее спутник, больше не появлялась.

Часть первая

Ровно в половине седьмого зашуршала приборная панель на музыкальном центре, и комнату заполнили звуки «Венского вальса».

– Только этого не хватало!.. – сонно пробормотала Оля и ощупью нашарила на прикроватной тумбочке пульт дистанционного управления. Нажала на верхнюю кнопку, и музыка мгновенно затихла.

Вчера вечером Оля забыла отключить функцию будильника и теперь расплачивалась за свою рассеянность.

Она попыталась было снова задремать, но, как часто бывает, сон не захотел возвращаться.

Было тихо – воскресенье, и лишь изредка сквозь полураскрытую форточку доносилось шуршание проезжавших мимо машин. Комната была погружена в серый сумрак – день еще не спешил сменить ночь.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть... – принялась Оля считать вслух. – Ну да, шесть дней. Через шесть дней я ему все скажу. Всего-то ничего осталось!

Она повернулась на другой бок, свернулась калачиком и засмеялась, обхватив плечи руками.

Еще никогда она не чувствовала подобной эйфории. Это было как... нет, пожалуй, даже таких слов не было, с помощью которых Оля могла бы объяснить творившееся с ней.

Во-первых, в следующую субботу ее жениху, Викентию Локоткову, исполнялось тридцать пять лет. Круглая дата!

О подарке Оля стала задумываться еще осенью, в конце ноября. Новая модель электробритвы? Свитер, связанный собственноручно? Чернильный прибор из мрамора с фигуркой резвящегося Купидона?.. Полный бред. В бритвах Оля не разбиралась, вязаных свитеров Викентий терпеть не мог – у него была аллергия на шерсть, а чернильный прибор ему даром был не нужен. Зачем чернила, когда есть компьютер с лазерным принтером, способным за несколько секунд распечатать любой текст?! И вообще прибор этот в сувенирном отделе ближайшего универмага стоил полторы Олиных зарплаты – всем известно, какие деньги получает нынче рядовой врач-физиотерапевт, работающий в районной поликлинике...

Оля мучилась-мучилась сомнениями, а потом поняла, *что* она подарит Кеше.

В том, что подарок понравится Кеше, Оля не сомневалась, ее беспокоило только одно: может быть, подарок следовало приурочить к дню их свадьбы?..

Свадьба, кстати, была намечена на третье марта (это вторых и в-главных), и до нее оставалось тоже всего ничего, каких-то две недели.

Она, бодрая, счастливая, выпрыгнула из постели и сразу же одной рукой схватилась за расческу, а другой – воткнула электрощипцы в сеть. Это были особые щипцы, и предназна-

чались они не для завивки кудрей, а, наоборот, для их выпрямления. Дело в том, что у Оли были светло-русые длинные волосы, безбожно вьющиеся. С ними она сильно смахивала на пуделя – так ей казалось, да и Эмма Петровна, Кешина мама, не раз на это намекала. Поэтому Оля решительно боролась со своими кудрями.

Пока щипцы грелись, Оля расчесывала волосы. Так и есть – за ночь они успели предательски съежиться, свернуться в аккуратные спиральки...

«Интересно, а что будет потом? – вдруг подумала она, глядя в зеркало. – Как бы мне хотелось, чтобы Кеша оставался со мной в выходные! Нет, мы, наверное, будем вместе навещать Эмму Петровну...»

Эмма Петровна была неплохой женщиной. Современной, ухоженной, интересующейся искусством, с собственными оригинальными суждениями... Правда, резковата иногда... Наверное, просто еще не успела привыкнуть к Оле.

Викентий обожал мать. Он был хорошим сыном и потому все свободное время старался посвятить Эмме Петровне...

Потом Оля валялась на диване и смотрела утренние передачи по телевизору. Как надо правильно готовить индейку, какие небывалые ощущения приносят занятия дайвингом у берегов Кубы, сколь удачно сделал перепланировку в своей квартире известный артист...

Оля смотрела, но на самом деле мысли ее были где-то далеко.

Она видела совсем другое. Лето, цветущий луг. Как говорит тетя Агния – разнотравье. Гудят пчелы. Солнце. Очень много солнца!

И по траве, неуверенно ступая, идет крошечная толстенькая девочка в белой панамке, из-под которой выбиваются легчайшие, словно пух, светлые кудри.

«Дуня-Дуня-Дунечка! – зовет ее Оля. – Иди ко мне! Ну, скорей, иди к маме...»

Дуня радостно взвизгивает и ковыляет ей навстречу. Потом падает и ревет от испуга и досады. Оля тут же ее подхватывает, целует, прижимает к себе. «Моя девочка, моя самая сладкая девочка!» Сколько солнца, сколько цветов...

«Может, будет мальчик, – подумала Оля, встряхнувшись. – Вообще мне все равно, кто будет. Только пусть будет! Хотя, конечно, лучше бы Дунечка...»

И это был ее подарок жениху. Три месяца, три долгих месяца с начала зимы она терпела, для того чтобы сделать ему столь потрясающий подарок! Для того чтобы сказать коронную фразу: «Мой милый, ты скоро станешь отцом!»

«Ребенок родится в конце этого лета. Где-нибудь в конце августа, начале сентября. А через год, ровно к следующему лету – пойдет. Ножками... Мы отправимся с Кешей и Эммой Петровной на дачу. Солнце, цветы! Эмма Петровна без памяти полюбит Дунечку (или мальчика, если родится мальчик). Тетя Агния тоже обрадуется! К нам в гости будет приезжать Римма...»

Оля не успела дорисовать сладостную картину грядущих перемен, как запищал ее сотовый телефон, забившийся под диванные подушки. Разумеется, Оля забыла вчера выключить и сотовый!

«Приличные люди в выходные не звонят раньше одиннадцати, если заранее не было оговорено», – как-то обронила Эмма Петровна.

«Римма» – горела на дисплее надпись. Оно и немудрено – Римму воспитанной девушкой назвать было трудно. Стоило только ее вспомнить, как вот она – тут как тут...

– Журавлева, ты? Не спишь? Ну слава богу, я к тебе сейчас приеду! – завопила Римма. – У меня тут такое... Нет, ты не представляешь!

– Ладно, жду, – покорно вздохнула Оля. Спорить с подругой было бесполезно. Римма была очень обидчивым человеком, и отказывать ей в визите без всякого повода значило потерять Римму навсегда.

Оля сварила кофе, подогрела в микроволновке булочки, намазала их смородиновым джемом.

Римма прибыла через десять минут.

– Холод собачий, – пожаловалась она. – Печка в машине сломалась. Хорошо хоть пробок не было... Ты одна?

– Да, Кеша у Эммы Петровны. Проходи на кухню.

Римме, как и Оле, было тридцать четыре.

Но Римма была девушкой высокой, крупной, невероятно энергичной, с неумемной жадой разрушения. Свои ярко-ры-

жие короткие волосы она нещадно пережигала «химией». «Похожа на продавщицу советских времен», – как-то брезгливо отозвалась о ее внешности Эмма Петровна.

А Римма, в свою очередь, осуждала Олю за то, что та «портит такие потрясающие кудри», распрямляя их, и за глаза называла Эмму Петровну «змеюкой».

– С Протасовым поссорилась, – мстительно произнесла Римма, с размаху плюхаясь на табуретку и не глядя придвигая к себе блюдо с булочками. – С чем это, с вишней?..

– Нет, смородина.

– ...он обещал, что мы с ним поедем за подарком к твоей свадьбе, а сам квасил всю ночь со своими друзьями из автосервиса! – раздраженно продолжила Римма. – Вот сволочь... Знает ведь, что я в следующие выходные дежурю! А в будни я куда поеду?!

– Ох уж эти подарки... – вздохнула Оля. Она придвинула к себе чашку с кофе, понюхала его и отодвинула. – Знаешь, Римка, не забивай ты себе этим голову. Можешь приходить к нам на свадьбу без подарка, я не обижусь.

– Нет, я так не могу... – запыхтела подруга, с недоверием вертя перед собой булочку. Потом откусила сразу половину. – Да и дело тут вовсе не в подарке, а в том, что Протасов – скотина и ни в грош меня не ставит. Знаешь, любая другая девушка его давным-давно бы послала, только я, дуручка, его терплю! Даже Клименко ко мне так не относился. Ты помнишь Клименко?..

Римма, несмотря на внушительную комплекцию и взрывной темперамент, пользовалась успехом у мужского пола. Она была настоящей русской Кармен...

В цветастом шерстяном платье, с искусственной розой на плече, Римма восседала на табурете и жаловалась на жизнь.

– ...тоже тот еще тип! Мечтал, чтобы я бросила работу и вышла за него замуж! Ну, Клименко, который из ГИБДД, лысый, с усами до плеч!

– Да, помню я его...

– А если я не хочу замуж? Если я не хочу детей? – Римма звучно отхлебнула кофе из чашки.

– Совсем? – уточнила Оля.

– Ну, не совсем... Когда-нибудь потом я совершу этот подвиг, но только не сейчас. Я ведь так думаю, что у нас еще лет десять в запасе есть, а? – Римма хитро подмигнула подруге.

– У тебя есть.

– А ты что? На особом положении? – усмехнулась Римма. – Послушай, если твой Викентий начнет требовать, чтобы ты родила наследника, ты ему скажи...

– Поздно, – улыбнувшись, покачала Оля головой.

– Что поздно? – побледнела Римма. – Он уже требует, да?

– Он ничего не требует, но... – Оля взяла подругу за руку и пристально посмотрела ей в глаза. – Дай мне слово, Римка, что будешь молчать как рыба.

– Даю... – выдохнула та.

– Я бы ни за что не призналась, но ты сама начала... В

общем, это будет моим подарком Кеше. На день рождения. Я ему скажу...

– Нет! – ахнула Римма и схватилась за голову.

– Да.

– Сколько?

– Уже три месяца, – с гордостью произнесла Оля.

– Три месяца... – застонала Римма. Потом нагнулась и заглянула под стол. Пристально изучила Олин живот. – Ты уверена?

– Абсолютно.

– А как будто незаметно... – с сомнением пробормотала Римма. – Ну все, теперь мать меня убьет.

Оля не всегда понимала логику своей подруги.

– За что?

– Как же, ты была последней из моих подруг, кто еще без потомства. Да еще не замужем... А теперь ты и замужем будешь, и с ребенком... Я останусь совсем одна!

– Ну и что?

– Как что? Мать скажет, что я белая ворона, старая дева и все такое...

– Римка, теперь другое время, – попыталась успокоить ее Оля. – Совершенно другие настроения в обществе...

– А моей матери наплевать на все эти настроения! – закричала Римма. – Ты не представляешь, Журавлева, как ты меня подвела!

– Римма, умоляю, это сюрприз... Кеша не должен узнать

раньше следующей субботы!

– Да не узнает он! – огрызнулась Римма. – Ты свинья, Журавлева. Тихой сапой, понимаешь...

Оля смотрела на свою лучшую подругу и не знала, плакать ей или смеяться. Римма с гневным видом снова набросилась на булочки и, угрожающе хлюпая, стала запивать их кофе.

– Я надеялась, что ты меня поздравишь... – печально вздохнула Оля.

– Поздравляю, – буркнула Римма.

– Почему ты злишься?

– Потому что ты теперь меня бросишь. У тебя будет муж, семья... А я кто? Да что за день сегодня такой ужасный... – Римма за спиной поймала край оконной занавески и промокнула им глаза.

– Какая ты глупая.

– Сама ты глупая. Ладно, я тебя поздравляю, – хмуро буркнула Римма и пухлой рукой потрепала Олю по плечу. – А что, Локотков твой правда до сих пор еще ничего не знает? Неужели даже не догадывается?..

– Нет.

– А токсикоз? Тебя не тошнит? – с интересом спросила Римма, постепенно успокаиваясь.

– Нет. И вообще я прекрасно себя чувствую...

– Как назовете?

– Ребенка? Если будет мальчик, то я пока не знаю, – честно призналась Оля. – А если девочка, то я бы очень хотела

назвать ее Дуней.

– Как? – вытаращила Римма блестящие карие глаза – они, и без того выпуклые, стали неестественно круглыми. – Дуня? Это что ж за имя такое?

– Авдотья. Дуня, Дунечка...

– Какой кошмар... – заявила Римма. – Впрочем, это сейчас модно. Сейчас полно всяких старинных имен – Фекла, Марфа, Пелагея... Если ты не возьмешь меня в крестные матери, я на тебя по гроб жизни обижусь.

– Я как раз думала именно о тебе, – дипломатично заявила Оля.

У Риммы окончательно улучшилось настроение.

– Договорились!

Оля подлила ей еще кофе.

– Боюсь я за тебя, – вдруг призналась Римма. – Она ж тебя сожрет.

– Кто? – засмеялась Оля.

– Да эта Эмма Петровна. Змеюка она самая настоящая!

– Перестань... – с досадой отмахнулась Оля.

– Я, между прочим, прошлой осенью слышала, как она меня коровой назвала, – сердито произнесла Римма.

– Римма...

– Да что ты все меня одергиваешь! А со Степаном Андреевичем они тебя будут знакомить? – тут же с любопытством спросила подруга.

– Не знаю. Может быть. Вот кого я действительно бо-

юсь... – шепотом призналась Оля.

– Брось! Он же совсем старик! Руина... Сколько ему?

– Восемьдесят два года.

– Наверняка он давно в маразме!

– Нет, мне Кеша о нем много рассказывал – старик еще о-го-го! До сих пор пишет книги, делами всякими занимается...

– Он богат? – шепотом спросила Римма.

– Очень. Когда Союз писателей развалился (а он там был кем-то одним из главных), то многое к своим рукам прибрал – ну, то, что раньше принадлежало его ведомству. Ресторан, особняк какой-то старинный, еще что-то... Теперь все сдается в аренду. Потом, у него есть собственные виноградники в Алазанской долине – кстати, очень выгодное вложение капиталов.

– Виноградники? – с сомнением переспросила Римма.

– Ну да! Настоящее вино – оно же на вес золота.

– М-да...

– Еще у него акции, ценные бумаги. Дом еще, то есть вилла, где-то на Лазурном Берегу. Счет в каком-то известном швейцарском банке. Мне Викентий про это рассказывал. Да, чуть не забыла! – спохватилась Оля. – Ему же до сих пор огромные гонорары платят и у нас, и на Западе.

– Сумел перестроиться старик, – кивнула Римма. – Раньше советский строй восхвалял, теперь всякие политические разоблачения делает...

– Кажется, он до сих пор машину сам водит, – добавила Оля. – У него джип.

– Нехило... – заворуженно протянула Римма. – Если он помрет, то все это достанется тебе?

– Да почему же мне? – засмеялась Оля.

– Ну как же, ты будешь женой Викентия, а Викентий – его единственный внук! Сын-то помер...

– У Степана Андреевича есть еще один сын. Правда, они разругались лет двадцать назад в пух и прах!

– Если разругались, то он ему ничего не оставит! Я же говорю, ты будешь настоящей новой русской! – с энтузиазмом воскликнула Римма. – Старик наверняка отписал все наследство внуку.

– Он не родной внук.

– Да-а? – разочарованно протянула Римма.

– Старший сын Степана Андреевича, Георгий Степанович, женился на Эмме Петровне, а у Эммы Петровны уже был Викентий – от первого брака. Георгий Степанович его усыновил, дал свою фамилию.

– Усыновил? Официально? – Римма наморщила лоб. – Усыновленные дети, между прочим, приравниваются к родным. У них те же самые права, насколько я помню Гражданский кодекс... Все равно твоему Кеше все достанется! – Римма счастливо засмеялась.

– Но есть еще племянники, кажется... – вспомнила Оля. – У Кеши есть двоюродный брат, Иван.

– Это уже вторая очередь наследования, – веско произнесла Римма. – Или даже третья, не помню точно.

– Как мне все это надоело! – с досадой воскликнула Оля. – Вот и Кеша с Эммой Петровной постоянно этот вопрос мушкетеров – по закону или по завещанию наследство будут делить...

– А разве ты не хочешь быть богатой?

– Хочу.

– Так в чем же дело?

– Не знаю, – пожала плечами Оля. – Пускай сами разбираются, я в их семейные дела не собираюсь лезть. Что будет, то будет... И вообще Викентий не бедный человек, зарабатывает прилично. Мне кажется, по-настоящему богатые люди – это там нефтяные магнаты, банкиры всякие... Степан Андреевич на их фоне так, средний класс.

– А тебе миллиарды подавай...

– Отстань, Римка! – засмеялась Оля. Она встала и принялась убирать со стола. – Сегодня тетя Агния обещала после двенадцати прийти.

Тетя Агния полностью оправдывала свое имя. Агнец божий, кроткая овечка... Более невинного существа и найти трудно!

К своим пятидесяти семи годам тетя Агния ни разу не была замужем. Мало того, Оля всерьез подозревала, что ее тетка лишь в теории знала о тех отношениях, которые связы-

вали женский пол с мужским. То, что тетя Агния отказывалась говорить на подобные темы, лишь еще больше укрепляло Олю в ее подозрениях.

Своих родителей Оля потеряла очень рано. Отца она практически не помнила, а мать в ее воспоминаниях осталась лишь в виде бесплотного контура, отчетливо виделись лишь тонкие руки и копна золотисто-светлых кудрявых волос, в которые маленькая Оля зарывалась лицом. Волосы волшебным образом пахли то ли ромашкой, то ли чередой... в общем, отваром каких-то трав, которым Олина мать ополаскивала голову.

Тетя Агния мало была похожа на свою покойную сестру – черные прямые волосы, темно-карие глаза, смуглая кожа. Тетка утверждала, что в роду были донские казаки и именно их гены неожиданно проявились в ней.

Агнии было всего лишь двадцать шесть, когда на ее руках оказалась малолетняя племянница...

– ...Римма меня навещала, – сообщила Оля. – Ушла прямо перед тобой.

– Так рано? – удивилась тетя Агния, разматывая длинный темно-серый платок, который вроде восточного тюрбана сидел у нее на голове. Под ратиновым синим пальто было строгое темное платье и темные нитяные чулки. Неуклюжие сапоги солдатского образца.

– У нее очередная драма. Спешила поделиться... – улыбнулась Оля. – Послушай, почему ты так ужасно одеваешься?

Прямо как монашка!

– Оленька, в мои годы...

– Да ты совсем не старая! – с раздражением перебила ее племянница. – Сколько тебя помню, ты всегда куталась в какие-то темные тряпки. Ладно, все, не буду... – тут же спохватилась Оля. Тетя Агния была робка и пуглива – пожалуй, решит еще, что надоела Оле, и не придет лишний раз!

– Холодно как сегодня... – прошелестела тетка, заходя в комнату и осторожно оглядываясь, как будто здесь ее могла подстергать какая-то опасность. – Господи, а тут пыль! Сейчас протру... – тетя Агния заметалась у широкого подоконника, заставленного цветочными горшками. – И вон листьев сколько опавших!

– Ничего не надо протирать, – сурово остановила ее Оля. – Садись. Я с тобой поговорить хочу. Ты собираешься к нам с Кешей на свадьбу или опять найдешь какую-нибудь дурацкую отговорку?..

– Приду... Хотя чего мне там делать? – спохватилась тетка. – Там все молодые будут, зачем мешать...

– Нет, ты придешь – и точка. И про каких там молодых ты говоришь?.. Эмма Петровна, между прочим, всего на год тебя младше!

Тетя Агния обреченно вздохнула. Судя по всему, она поняла, что от приглашения ей не отвертеться.

Оля посмотрела в ее темные, потерянные глаза и вдруг сказала:

– А ты бабушкой скоро станешь. – В конце концов, если Римме она уже проболталась, то почему эту новость стоило скрывать от родной тетки?..

– Что? – Темные глаза стали неподвижными, заблестели.

– Ничего. Ты скоро бабушкой станешь... – повторила Оля. «Кажется, я поторопилась... Надо было ее подготовить. Того и гляди, в обморок грохнется... Ну что она за человек такой!»

– Господи, господи... – заметалась тетка. – А что... а что Кешенька говорит?..

– Ничего он не говорит. Он пока не знает – я сюрприз ему хочу сделать.

– Не знает?! – с ужасом переспросила та.

– Так сюрприз же!

Тетя Агния прижала ладони к щекам. Судя по всему, самые разные мысли теснились у нее в голове, создавая сумбур.

– А вдруг... а вдруг он тебя бросит? – наконец выдавила она из себя.

– Здравсте! – иронично воскликнула Оля. – С какой это стати?

– Ну как же... мужчины, они... они иногда так поступают, – забормотала тетка.

– Викентий не такой, – возразила Оля. – И потом, у нас свадьба через две недели.

– Господи, господи...

– Мне тридцать четыре года, – с нажимом произнесла Оля. – И он тоже не юноша молоденький. Все вполне естественно и предсказуемо. Каких таких знамений свыше мы должны ждать, чтобы решиться на этот шаг?.. – Она помолчала. – Если будет девочка, то я хочу назвать ее Дунечкой.

Тетя Агния захлопала глазами. Некоторое время она тоже молчала, собираясь с мыслями, а потом вдруг расплылась в неожиданной улыбке:

– Дунечка...

А потом зарыдала. По характеру всхлипываний Оля сразу определила – от счастья.

Тетка успокоилась не сразу. Но, когда пришла в себя, благостное выражение надолго закрепилось на ее лице.

– Дунечка, значит... А если возражать против этого имени будут? Ну, Кешенька с Эммой Петровной-то?..

– Не знаю, – пожала Оля плечами. – Не думаю. На самом деле выбор имени будущему ребенку – это... это... Я даже не могу выразить, что это такое. Это нечто мистическое! Поэтому я знаю только одно: если будет девочка, то ее непременно надо назвать Дуней. Только так!

– Я понимаю... – зачарованно кивнула тетка.

– Чай хочешь? – весело спросила Оля.

– Да, пожалуй. Вот что, Олюшка... – спохватилась тетя Агния. – Я тоже хочу тебе кое-что сказать. Я очень рада, что у тебя все так складывается.

– Ну, спасибо...

– Нет, не смейся! Я ведь серьезно... На самом деле я переживала за тебя ужасно. Ты так долго была одна!

– Одна я не была.

– Но замуж-то никто не звал! А лет-то тебе...

– Сейчас никто в восемнадцать замуж не выскакивает, – возразила Оля. – Между прочим, это правильно.

– Женщина не должна быть одна, – истово возразила тетка. – Потому что нет ничего хуже одиночества!

«А ты почему замуж не вышла?» – хотела спросить Оля, но промолчала. Не стоило обижать тетю Агнию лишний раз.

Но потом, позже, когда тетка ушла и она осталась одна, то призналась себе: да, нет ничего хуже одиночества. Как будто идешь по пустыне и конца-края ей нет... Странно, что Римма воспринимала все это иначе и цеплялась за свою независимость обеими руками.

Стемнело. В феврале темнело еще рано. Оля села возле телефона и с тоской уставилась на него. Ей очень хотелось, чтобы позвонил Викентий, но он не звонил. Конечно, Оля могла сама набрать его номер, но она почему-то не в силах была это сделать. Как будто некие высшие силы мешали ей. И только одно придавало ей уверенность – то, что скоро ее жизнь окончательно переменится. «Зачем лгать самой себе? Да, я, как и тетя Агния, боюсь остаться одинокой. Я, как и она, не способна идти навстречу людям, ловить свое счастье за хвост... Ей не повезло, а мне – да. Если бы не Викентий, то я тоже прожила бы свою жизнь монашкой. И что самое

обидное – даже племянницы у меня нет!»

Конечно, Викентий позвонил ей на следующий день и сообщил, что они с Эммой Петровной ездили за костюмом ему, а вечером даже встретил Олю после работы.

Потом он ей тоже звонил, а в субботу утром звонил раз пять или даже больше – очень волновался, что Оля опоздает.

– Не торопи меня! – в конце концов взмолилась Оля. – Я так точно не успею собраться!

– Все-все, не буду! – услышала она его виноватый смех. – На самом деле я страшно соскучился – такая дурацкая неделя получилась, я тебя так мало видел... И вообще ты – самый главный для меня человек. Без тебя и праздник не праздник. Я тебя люблю...

Он говорил с такой нежностью, что у Оли даже комок к горлу подкатил.

– Ты даже не представляешь, какой сюрприз я тебе приготовила! – не выдержала, обмолвилась она.

– Я умираю от любопытства! – заинтригованно пробормотал он. – Все, лови такси, жду! И мама тебя тоже очень ждет...

Перед выходом Оля придирчиво осмотрела себя в зеркале. Длинное трикотажное платье малинового цвета, очень узкое – оно очень шло ей. Оля повернулась боком – ну вот, так и есть... Живот выделялся чуть-чуть, но все же больше обычного, и Оля решительно набросила на плечи длинный

розовый палантин из шифона, перекинула его через локти, расправила складки. Теперь о ее секрете никто не догадается раньше времени! Главное – не забыть захватить с собой малиновые туфельки, в тон платью. А волосы?!

Оля схватила еще одно зеркало и осмотрела прическу сзади: слава богу, хоть тут не требовалось ничего поправлять... Волосы лежали идеально – прямые, гладкие, длиной почти до пояса. Пожалуй, Эмма Петровна не сможет не согласиться с тем, что ее будущая невестка – стильная молодая женщина.

Немного румян, темно-красная помада, брови и ресницы подчеркнуты черным... «Не слишком ли ярко?» – снова забеспокоилась Оля, разглядывая свое лицо в зеркале. Но без косметики ее лицо выглядело невыразительно. Даже тускло. Помнится, в школе ее дразнили «бледной молью»...

На улице было тепло, ноги заскользили на подтаявшей корке льда, покрывавшей асфальт.

Оля замедлила шаг, дыша полной грудью. В висках слегка зазвенело...

«Нет, все-таки я стала другой, – мелькнуло у нее в голове. – Я еще никогда не чувствовала себя так странно. И так хорошо...»

...Мать и сын Локотковы жили в сталинском доме, недалеко от «Киевской». Олю всегда восхищала их квартира – четыре комнаты с высоченными потолками, антикварная мебель, старинный рояль «Бехштейн», какие-то особенные гардины на окнах, гигантская хрустальная люстра... Все эти

вещи собрал покойный глава семейства, Георгий Степанович. Отчим Викентия был известным военным историком – в книжном шкафу, на самом видном месте стояли золоченые тома военной энциклопедии, написанной под его руководством.

К юбилею Викентия народу собралось довольно-таки много – его коллеги, бывшие однокурсники, подруги Эммы Петровны – три молоджавые дамы в великолепных классических костюмах, с безукоризненными прическами.

– А вот и моя будущая невестка! – Эмма Петровна, улыбаясь, ввела Олю в большую, предназначенную для банкета комнату.

На Эмме Петровне был тоже костюм – строгая юбка до колен и жакет темно-синего цвета, прическу она даже ради праздника не стала менять – каре из светлых прямых волос. Из вольностей присутствовали лишь большие сапфировые серьги, которые раскачивались в ее ушах, точно маятники...

Дамы сердечно расцеловали Олю, а друзья Викентия по очереди приложились к ее ручке.

Оля немного смущалась, но потом все это быстро прошло, настолько все были милы и веселы.

Сели за раздвижной дубовый стол, разлили шампанское в бокалы...

От стоявших прямо перед ней цветочных букетов Олю слегка замутило, но она преодолела этот приступ дурноты.

Шампанского пила мало, лишь символически отпивая из

бокала, но никто не обращал на это внимание.

Дамы-подруги шумно вспоминали детство Викентия, как он, будучи маленьким мальчиком, «вот под этот самый стол пешком ходил».

– Не верю! – засмеялся один из друзей Олиного жениха – румяный толстяк Игорь. – Кеша, что хочешь со мной делай – не могу представить тебя маленьким!

– А я тебя, Игоряша! – засмеялся другой – Костя Муромцев. – Ты, наверное, уже родился с галстуком и в очках, а вместо няньки к тебе приставили секретаршу!

– Мальчики, берите заливное – специально в «Прагу» за ним ездила... – хлопотала Эмма Петровна.

– Но Оленька как хороша! – неудержимо восхищалась одна из дам. – Викентий, тебе безумно повезло!

– Я знаю! – засмеялся Викентий и поцеловал Олю в щеку. – Она – девушка моей мечты. Никому ее не отдам!

Эмма Петровна тоже засмеялась – даже громче обычного. Тосты следовали один за другим, закуски подносила специально нанятая для этого случая официантка.

Но Оля ела мало. Она находилась в какой-то эйфории. Она еще никогда не была так счастлива. Она не отрываясь смотрела на Викентия: как он ест, пьет, аккуратно промакивает губы салфеткой, шутит, машинально накрывает ее руку своей ладонью...

У него были темно-русые волосы и всегда внимательный и спокойный взгляд темно-серых глаз, который с самого нача-

ла их знакомства заворожил Олю. Она еще никогда в своей жизни не видела столь доброжелательного, элегантного мужчину, который был бы безупречен во всем – как внешне, так и внутренне.

– А где твой сюрприз? – заметив ее взгляд, прошептал он ей на ухо.

– Позже... немного позже, – сказала она негромко в ответ.

Через некоторое время в застолье наступил момент, когда мужчины сбросили пиджаки и позволили себе слегка ослабить узлы на галстуках, а женщины захотели танцевать.

Оле танцевать не хотелось – она все выжидала момент, когда можно будет поговорить с женихом, но Эмма Петровна потребовала, чтобы мужчины сдвинули стулья в сторону и чтобы Викентий непременно провальсировал бы с ней первый танец.

– Потому что это и мой праздник тоже! – торжественно пояснила она. – Кеша – это мое творение... Надеюсь, никто не будет умалять моих заслуг?..

Никто ее заслуг умалять не собирался.

Викентий танцевал с матерью, а к Оле подскочил толстяк Игорь.

Потом на очереди оказался Костя Муромцев, отказать которому было неудобно. А потом уже Викентий полушутя-полусерьезно заявил, что у него тоже есть права и что он тоже хочет танцевать с Олей.

К тому моменту Оля уже немного устала, но ощущение

счастья не покидало ее. У нее никогда в жизни не было подобных праздников, да и дома такого – с антикварной мебелью, роялем, солидными гостями... Они с тетей Агнией жили тихо и уединенно, очень скромно, а позже, когда Оля повзрослела, то и вообще редко когда попадала на такие веселые семейные праздники. Вечеринки у Риммы, например, не отличались дворянским благородством, скорее – купеческой широтой. Непременно кто-то напивался до поросычьего визга, а сама Римма в конце концов устраивала скандал своему очередному бойфренду.

– Устала... – улыбнулась Оля жениху. – Здесь так жарко...

Она вышла в соседнюю комнату (это был кабинет покойного отца семейства), села в широкое кожаное кресло.

Викентий принес ей стакан минералки, сел на подлокотник рядом.

– Тебе не скучно?

– Нет, наоборот... – засмеялась она.

– Ты такая красивая, – он поцеловал ее в висок. – Тебе очень идет это платье!

– Кеша...

– Да?

– У нас будет ребенок, – сказала Оля и мучительно покраснела. Она в этот момент почему-то почувствовала себя героиней костюмной мелодрамы. – Это, собственно, и есть тот сюрприз, который я собиралась тебе сделать.

– Что? – пробормотал Викентий растерянно.

– Ты не рад? – беспокойно спросила она.

– Нет, я... Послушай, а ты уверена?

– Да.

– И... сколько уже?

– Три месяца.

– Три месяца! – схватился он за голову.

Оля не понимала – сердится он или радуется. Ей вдруг стало страшно, потому что она совершенно некстати вспомнила слова тети Агнии.

– Кеша, но уже поздно что-то менять... – пробормотала она. – Я... я думала...

– Ты так долго скрывала от меня это? – с отчаянием спросил он. – Зачем?

– Затем, что хотела сделать тебе сюрприз. Чтобы это был подарок – к дню рождения. И к свадьбе еще...

Викентий некоторое время молча смотрел ей в глаза – это были неприятные, тяжелые мгновения (Оля уже жалела, что придумала этот дурацкий сюрприз), а потом вдруг обнял ее.

– Ну и ладно... – сказал он. – Ну и хорошо!

– Мне тридцать четыре года, и я не могу... – принялась объяснять она, но Викентий нетерпеливо перебил ее:

– Я рад, честное слово, я очень рад!

– Правда?

– Клянусь!

– Если будет девочка, назовем ее Дуней, – выпалила Оля. – Пожалуйста!

– Как?

– Дуней. Дуня, Дунечка...

– Это что, так звали кого-то из твоих прабабушек?

– Нет, но...

– Господи, а мама?! – спохватился Викентий. – Она же ничего не знает о ребенке!

Оля хотела объяснить ему, почему так важно назвать девочку Дуней, но Викентий не стал ее слушать и выскочил из комнаты.

Оля осталась одна. Она расправила шифоновый палантин на локтях. Потом стала разглядывать портрет покойного отца семейства, висевший над столом. На Викентия Георгий Степанович был совершенно не похож, да это и немудрено, ведь Кеша был приемным сыном...

Через пять минут Викентий втащил в комнату упирающуюся Эмму Петровну. Она была очень недовольна, что ее оторвали от интереснейшей беседы с подругами.

– Да что такое? Что за спешка?.. Люся как раз рассказывала о том, как она судилась с соседями по дачному участку...

– Да пропади она пропадом, твоя Люся... Мамуля, у нас для тебя сюрприз! – важно произнес Викентий. – Надеюсь, что ты не умрешь от счастья. Сядь, я тебя прошу...

Эмма Петровна присела на кожаный диван напротив.

– Кажется, я догадываюсь, – вдруг сказала она и посмотрела Оле прямо в глаза. – Сколько уже?

Все, словно сговорившись, задавали один и тот же вопрос!

– Три месяца, – тихо ответила Оля.

– И она хочет назвать девочку Дуней! Ты представляешь? – засмеялся Викентий.

– А что, уже известно, что будет девочка? – вежливо поинтересовалась Эмма Петровна.

– Нет. Но если будет девочка...

– Ольга! – перебила ее Эмма Петровна с досадой. – Ну что за блажь? Я понимаю, что это модно сейчас – называть детей всякими вычурными именами, но – Дуня... Я на правах бабушки категорически против. Ты подумай еще над этим. Кстати, про ребенка гостям знать необязательно...

Эмма Петровна поцеловала сына и вышла из комнаты.

– Оля, может быть, ты правда передумаешь? – улыбнулся Викентий. – Насчет имени...

– Может быть... – растерянно ответила Оля.

– Ты сама как ребенок, – сказал он, глядя ее по волосам. – Сколько тебе лет – десять, пятнадцать?.. Но никак не больше восемнадцати – это точно.

– Кеша, мне тридцать четыре! – обиделась она.

– Нет, не верю. Более наивного существа не найти... Иногда я с ужасом думаю, что было бы с тобой, если бы на твоём пути не встретился я...

– Правда? – обрадовалась она. – Мне такая мысль тоже недавно приходила в голову!

Он поцеловал ее.

– Кеша... Мне показалось, что Эмма Петровна чем-то

недовольна. Как будто она не рада? – нерешительно спросила Оля.

– А чего ты хотела? – усмехнулся Викентий. – Всякой женщине трудно привыкнуть к мысли о том, что она скоро станет бабушкой. Ладно, идем к гостям...

Тем временем официантка уже разливала чай.

Эмма Петровна с противоположного конца стола вежливо улыбнулась Оле.

«Чего я ждала? – мелькнула у Оли мысль. – В самом деле было бы глупо надеяться, что все станут прыгать вокруг меня!»

Поздним вечером гости постепенно начали расходиться. И тут произошло нечто странное и неприятное. Досадное недоразумение, на которое по большому счету не стоило обращать внимания. Оля была в ванной комнате, ополаскивала разгоряченное лицо водой, когда на кухню через коридор вошли Эмма Петровна со своими дамами-подружками. О том, что в ванной кто-то есть, они не знали – коридор в этом месте расходился в разные стороны.

– ...глупа, просто клинически глупа! – негромко, значительным тоном говорила Эмма Петровна. – Вы со мной согласны, да?..

– Может, это оно и к лучшему, – засмеялась та самая Люся. – Я тебе вот что скажу, дорогуша, с умной-то оно было бы хуже...

– Но ты не представляешь, как глупость может иногда раз-

дражать!

Оля вышла из ванной, щелкнула выключателем, и разговор в кухне затих.

...В гостиной Викентий прощался с Костей Муромцевым.

Оля села за стол и залпом выпила холодный чай, который у нее еще оставался в чашке. Она изо всех сил пыталась уверить себя, что Эмма Петровна говорила не о ней. И даже если о ней – что такого? Ведь редко бывает, когда свекровь сразу находит общий язык с невесткой, для этого нужно хоть какое-то время...

– Оленька, до встречи... – сердечно обнял ее Костя. «Может быть, и он тоже притворяется?» – с отчаянием подумала Оля.

Во втором часу в доме уже не было ни одного гостя.

– Ну, Оленька, ехать тебе домой нет смысла, останешься у нас... – устало сказала Эмма Петровна. – Идем, я тебе в кабинете у Георгия Степановича постелю.

Через некоторое время к Оле зашел Викентий.

– Ну все, спокойной ночи, – ласково сказал он и целомудренно поцеловал ее в лоб.

– Кеша, только недолго! – крикнула из соседней комнаты Эмма Петровна. – Мне еще кое-что надо с тобой обсудить.

– Уже иду! – отозвался он.

Оля, в пижаме, села на постели, схватила его за руки.

– погоди! – взмолилась она. – А ты где будешь?..

– То есть где я буду спать? – удивленно спросил он. – У

себя, конечно.

– Но почему не со мной?

– Оля, так неудобно же при маме!

– Неудобно? Но у нас свадьба через неделю! И потом, она же знает, какие у нас отношения, иначе откуда бы у меня ребенок завелся...

– Вот именно, потому что ребенок, – назидательно произнес он.

– Да я вовсе не для того прошу тебя быть со мной! – с отчаянием произнесла Оля. – Ни о чем таком я и не думала... Просто мне как-то не по себе. Ты мне так нужен!

– Я же говорил, что ты сама еще дитя... Все, спи! – он еще раз поцеловал ее и вышел.

Но Оле решительно не спалось.

Поворочавшись с боку на бок на скрипучем кожаном диване, она вышла на кухню – попить воды.

Эмма Петровна курила, сидя за столом.

– Тоже бессонница? – неловко улыбнулась Оля.

Эмма Петровна стряхнула пепел с сигареты и пристально посмотрела Оле в глаза.

– Скажи, ты это нарочно все придумала? – тихо спросила она.

– Что?

– Это имя.

– Нет, но почему...

– Я молю бога, чтобы у тебя родился мальчик, ведь, на-

сколько я понимаю, в этом случае тебе все равно, как его называть?..

– Да, но...

– Я, кажется, догадываюсь, кто тебе подбрасывает эти идеи... Твоя тетя, не так ли? Вполне в ее пролетарско-крестьянском духе.

– Вовсе нет, – решительно ответила Оля. – Мне очень нравится это имя – Дунечка, и я буду стоять на своем.

– Вот ты как, – без всякого выражения протянула Эмма Петровна. Сейчас, без косметики, ее лицо казалось несчастным и злым.

– Я не понимаю...

– А я понимаю, что Викентий – последний шанс для тебя, – сухо ответила Эмма Петровна. – Он слишком добр и благороден, и ты вертишь им, как хочешь...

Оля похолодела – в первый раз они с Эммой Петровной ссорились.

– Неправда! – дрожащим голосом возразила она. – Эмма Петровна, я вас очень уважаю, но у меня тоже есть кое-какие права...

– Вот именно! – Эмма Петровна неловко дернула головой и закашлялась от дыма. – Ты влезла в нашу семью и теперь пытаешься распорядиться нами всеми. Я, честно говоря, уверена, что у тебя с самого начала был план.

– Какой еще план? – растерялась Оля.

– Выйти замуж за Кешу. Обосноваться здесь, связать его

ребенком...

– Для чего?.. – возмутилась Оля. – Для чего мне надо связывать его ребенком?..

– Локотковы – старинный дворянский род, – насмешливо произнесла Эмма Петровна. – О нас еще в летописях времен Ивана Грозного упоминается...

Оля засмеялась – ей вдруг показалось, что ее будущая свекровь шутит. Но Эмма Петровна была настроена весьма серьезно.

– А что ты смеешься? Дворянская фамилия, между прочим, на некоторых честолюбивых особ, без роду и племени, действует весьма магически... – проникновенно продолжила Эмма Петровна. – Но главное – наследство.

– А, это то самое, которое Степан Андреевич должен оставить! – с тоской протянула Оля.

– Судя по всему, Степан Андреевич завещает его Кеше, – с гордостью кивнула Эмма Петровна. – Не мне, разумеется, и не племяннику своему, Ивану... а – Кеше.

Оля снова засмеялась через силу. Обвинять ее в том, что она погналась за каким-то там мифическим наследством, которое должен оставить бывший литературный бонза, было нелепо – меньше всего Оля думала о деньгах, когда встретила Викентия. Но объяснить это Эмме Петровне было невозможно!

– Эмма Петровна, какая чушь... – с упреком произнесла Оля. – Прямо помешались вы тут все на этом наследстве!

И... и хватит меня им шантажировать! Я прекрасно вас поняла – вы не хотите, чтобы вашу внучку звали Дуня. Это имя кажется вам недостойным дворянского рода Локотковых... Ладно, я не буду настаивать на этом имени. Я нормальный человек, я способна пересмотреть свои взгляды...

– Вот и хорошо, – неожиданно кротко произнесла Эмма Петровна, загасив сигарету в пепельнице. – Очень хорошо, что мы друг друга поняли.

– Тем более что может родиться мальчик, и наш сегодняшний спор окажется совсем бессмысленным, – с раздражением напомнила Оля.

– Действительно! – фыркнула Эмма Петровна.

– Спокойной ночи, – сказала Оля, совсем забыв, для какой цели она заходила сюда.

– Спокойной ночи, – мирно ответила Эмма Петровна. – Да, кстати, дорогуша, надеюсь, мы не станем посвящать Кешу в детали нашего спора?

– Не станем... – буркнула Оля и ушла к себе.

Было жарко, душно... Нелепым и странным казался этот разговор с будущей свекровью. «Эмма Петровна – женщина властная, привыкла всеми командовать. Ей не понравилось имя, которое я выбрала будущему ребенку, и она очень жестко поставила меня на место. Боже, как глупо подозревать меня в том, что я погналась за наследством и дворянской фамилией... Бред!»

Оля повернулась на другой бок. На портрете Георгия Сте-

пановича, висевшем над столом, играли блики – казалось, фотография усмехается в полутьме. Покойный хозяин дома тоже не верил в невинные намерения Оли Журавлевой.

Было так обидно, что Оля даже слегка всплакнула.

Совсем недавно ей так нравился этот дом, старинные вещи, его заполнявшие, моложавая и подтянутая Эмма Петровна, ее гости... Но теперь ясно, что этот дом никогда не станет для Оли родным – разумеется, если она не подчинится беспрекословно Эмме Петровне.

«Ничего, мы с Кешей будем жить у меня!» – попыталась успокоить себя Оля.

Но легче не стало. Эмма Петровна считала свою будущую невестку охотницей за чужими деньгами. И та нечаянно услышанная реплика – «глупа, просто клинически глупа!» – относилась именно к ней, к Оле, теперь это было очевидно.

Не слишком удачливой авантюристкой – вот кем считала Эмма Петровна Олю!

Нетрудно догадаться, что свекровь и на расстоянии попытается командовать молодой семьей, а если Оля вздумает сопротивляться, то... «Кеша слишком послушен ей. Его любовь к матери – большое достоинство, но и наказание. Если Эмма Петровна всерьез решит воевать со мной, то она наверняка окажется в победителях, как бы Кеша ни дорожил мной».

Оля, ворочавшаяся с боку на бок, тут же дала себе слово, что ради семьи готова терпеть что угодно. Лишь бы Викен-

тий был рядом, лишь бы будущий ребенок не остался без отца...

«Но почему же, если я готова на все, это противное чувство одиночества продолжает преследовать меня? Наверное, потому, что я знаю – Эмма Петровна никогда не отдаст мне Кешу, пусть он хоть трижды на мне женится. Она и имя у моей дочери уже успела отнять!»

Оля усилием воли попыталась успокоиться, но слезы неудержимо лились из ее глаз. Она так устала за этот бесконечный день, что сон и не думал идти к ней.

Оля встала и, сложив руки на груди, босиком прошлась по комнате.

От батарей несло невыносимым жаром.

«Как глупо... почему я плачу? Ведь знаю же, что мне нельзя волноваться!»

Но чем больше уговаривала себя Оля успокоиться, тем сильнее она заводилась. Она уже не плакала, а безутешно ревели.

Оля включила свет в кабинете и попыталась найти аптечку. Немного валерьянки ей сейчас не помешало бы... Однако все шкафы и ящики покойного хозяина были заперты, сколько Оля ни дергала за ручки. Надо было позвать Викентия, но Оля все не могла решиться. Поджав ноги, она села на высокий кожаный диван, с которого уже наполовину успела сползти простыня, и рыдала. Когда-то в одной военной передаче она слышала, что если самолет уже вошел в штопор

и, кружась, стремительно несется носом к земле, то летчику после определенного момента уже невозможно вернуться в нормальное положение – время упущено. У Оли было то же самое состояние – она позволила себе расстраиваться чуть дольше допустимого и теперь не могла остановиться. Слезы буквально душили ее.

Внезапно дверь распахнулась, и в комнату, щурясь от света, заглянул Викентий. Сонный, взлохмаченный, в смешной полосатой пижаме.

– Ты что? – испуганно спросил он.

– Н-н... ни-че-го... – едва смогла выдавить из себя Оля.

– Да что случилось? – он сел рядом, обнял ее, но Оле от этого стало только хуже. Рыдания, прежде сдерживаемые, хлынули наружу. Она плакала уже в полный голос. Она собой не владела.

Появилась Эмма Петровна.

Некоторое время она молча смотрела на Олю, бившуюся в истерику на руках у сына, а потом мрачно спросила:

– Что за спектакль посреди ночи?

– Мама, я не понимаю... – в отчаянии закричал Викентий. – Захожу к ней, а она плачет! Оля, Оля, тебе же нельзя... Немедленно прекрати!

– Ты с ума сошла, – тихо произнесла Эмма Петровна. – Оля! Ты же сама врач, должна понимать, что нельзя доводить себя до такого состояния... Дать успокоительного?

– Мама, зачем спрашиваешь? – закричал Викентий. –

Неси!

– Неси... – мрачно передразнила Эмма Петровна. – А может, в ее положении ей не всякое лекарство можно принимать!

Оля попыталась ответить, но не смогла.

Эмма Петровна мгновение вглядывалась в посиневшее Олино лицо, которое передергивала судорога, а потом сама закричала:

– Ну вас всех к черту! Как хотите, а я сейчас «Скорую» вызову...

Дальнейшее Оля помнила очень смутно.

Кажется, действительно приехала «Скорая», но дорога и то, как ее, Олю, везли и как она оказалась в приемном покое, выпало из памяти. Лишь на мгновение Оля пришла в себя, когда почувствовала знакомый больничный запах, настоящий на хлорке и лекарствах, и сквозь туман общего наркоза услышала странные слова:

– Кажется, девочка была...

Ослепительный свет прожигал веки. Звякали стальные инструменты о дно железного лотка... Были ли в действительности эти слова или они померещились ей? Оля не знала. Чей равнодушный голос произнес – «кажется, девочка была»?.. Как человек с медицинским образованием, она знала, что на таких сроках определить пол ребенка без специальных анализов очень трудно. Но даже в забытьи Оля не могла расстаться с мыслью о Дуне-Дунечке...

Викентий звонил на сотовый раз десять на дню: «Как ты?.. Что тебе передать?.. Как себя чувствуешь?..» Он очень беспокоился об Оле, но не считал произошедшее чем-то ужасным и из ряда вон выходящим. Вполне обычная неприятность, которая может случиться с каждой женщиной... И из соседок по палате тоже никто не считал подобную вещь катастрофой, тем более что на обходе лечащий врач заявил громко, что все прошло более-менее благополучно и что Оля в скором времени может повторить попытку стать матерью.

Но Олю это мало утешало. Для нее ребенок, которого она носила, был слишком реален, слишком осязаем. «Кажется, девочка была...»

На четвертый день в палату ворвалась Римма с огромной авоськой, набитой пакетами с кефиром и апельсинами. Оля не особенно любила ни то, ни другое, но Римма, видимо, считала, что именно такими должны быть больничные передачи.

– Как же тебя пустили? – изумилась Оля. – Тут же никого не пускают...

– Подход к персоналу надо знать, – веско произнесла Римма. – А вообще у меня тут знакомая медсестра работает – Лизка Соломатина, она в одном подъезде со мной живет.

Римма села на край кровати и сурово оглядела Олю. Вид подруги в казенной ночной рубашке не очень-то ей понра-

вился.

– Бледная какая! – осуждающе произнесла она. – Даже нос заострился... Поди, и не ешь ничего?..

– Ем.

– Да знаю я, чем тут кормят... Вот, витаминов тебе принесла, – проворчала Римма и с трудом запихнула свою авоську в больничную тумбочку. – Только одно хорошо – кудряшки твои остались.

Оля растерянно улыбнулась и машинально попыталась пригладить волосы, которых давно не касались электрощипцы.

– А я уж настроилась, что крестной стану, – вздохнула Римма. – Ну ничего, с кем не бывает!

– Вот-вот, все так говорят! – усмехнулась Оля. – Только мне почему-то от этого не легче.

– Брось! Мне вот Лизка сейчас по секрету рассказала, что у них тут лежит одна тетка, которая чуть ли не сорок абортотделов сделала. И ничего! А что, Оля... – Римма понизила голос. – Такое правда бывает?

– Бывает, – равнодушно кивнула Оля. – А я хотела родить всего одного ребенка, у меня и этого не получилось...

– Кстати, Журавлева, отчего это с тобой случилось? Я так понимаю, что просто так ничего не происходит?.. – с любопытством спросила Римма.

– Поссорилась с Эммой Петровной, – не сразу призналась Оля. – Расстроилась, ну и...

– Так это тебя Эмма Петровна довела? – гневно запыхтела Римма. – Змея она подколодная! Гадюка!

– Перестань, Римка! – поморщилась Оля. – Я неправильно выразилась, мы с ней не поссорились, а так, немножко поспорили... Во всем виновата только я, только я одна – позволила себе заплакать. Да так, что не смогла остановиться.

– Ничего себе! Это о чем таком вы спорили, интересно?

– Ей тоже не понравилось имя, которое я выбрала для девочки... – пожалала Оля плечами. – Хотя я довольно быстро согласилась с ее мнением.

– Нет, ты чего-то недоговариваешь, – с азартом произнесла Римма. – Ей-богу, было что-то еще...

– Она сказала, что я гонюсь за Кешиным наследством. Ну, за тем, что останется после смерти его деда... И еще, что мне нужна их дворянская фамилия.

– Что-о? – вытаращила глаза Римма и вдруг захохотала во весь голос.

– Тише ты! – схватила ее Оля за руки. – Выгонят же и не посмотрят, что у тебя Лизка Соломатина в подружках!

– Она ку-ку, твоя Эмма Петровна! – давась от сдерживаемого смеха, пробормотала Римма. – Ну, что из-за наследства она тебя подозревает, это ладно... Но что ты гонишься за ихней фамилией... Ой, не могу...

– Да тише ты! – прошипела Оля. – Локотковы – в самом деле старинная фамилия. В каких-то там древних летописях упоминается. И еще при Петре Первом – был у него спо-

движник, Денис Локотков... Мне Викентий рассказывал.

– Правда? – выдавила из себя Римма, пытаясь справиться с хохотом. – Вот умора... А самая умора – это то, что ни в Эмме Петровне этой, ни в Кеше твоём – ни единой капельки крови настоящих Локотковых!

– Это точно... – вздохнула Оля. – Но учти, я Кеше ничего не рассказала про этот разговор с Эммой Петровной. Я не собираюсь ссорить его с родной матерью.

– Твой Кеша – маменькин сынок, вот кто! – возбужденно произнесла Римма. – Оба они хороши!

– Перестань! – рассердилась Оля. – Кеша – чудо. Он не виноват в том, что слишком хороший сын. Я, знаешь ли, уже сделала для себя вывод – в будущем постараюсь как можно реже встречаться с Эммой Петровной.

– Я давно поняла, что она тебя недолюбливает, – с чувством произнесла Римма. – Я вот только одного не понимаю – как же она согласилась на вашу свадьбу, а?..

– Я так думаю, ей просто некуда было деваться, – тихо произнесла Оля. – Ведь у Кеша до меня... ну, словом, у него были другие девушки. Они нравились Эмме Петровне еще меньше. Он не особенно об этом распространялся, но я поняла... Даже больше того, – понизила Оля голос. – Он ей так и сказал, когда встретил меня: или она, или ты меня, мама, больше не увидишь.

– Неужели?.. – ахнула Римма, заерзав на кровати.

– Да не трясси меня так, а то я сейчас свалюсь... Прибли-

зительно так все и было.

– Какая же она змеюка!

– Римма, она не змеюка, она просто любящая мать... – с иронией произнесла Оля.

– Мне кажется, она все равно будет капать Викентию на мозги. Плести интриги и все такое... Как бы ты ни старалась встречаться с ней пореже, она все равно тебя с Викентием поссорит!

– Не поссорит! – упрямо ответила Оля. – Я больше не позволю ей снова довести себя...

Вскоре Римма ушла. Но у Оли после ее ухода остался в душе какой-то неприятный осадок. И хотя до этого разговора она и сама думала о том, что Эмма Петровна будет мешать им с Викентием даже на расстоянии, но простая, какая-то бабская логика подруги не нравилась ей, вызывала протест. Она бы поспорила с Риммой, но зачем? Все равно это бесполезно.

К тому же Оля не хотела ни с кем ссориться – ни с Эммой Петровной, ни с Риммой, ни тем более с Кешей... Ей не хотелось терять ни одного человека в своей жизни, пусть даже не слишком приятного...

После обеда в палатах установилась тишина.

Оля повернулась к стене и старательно закрыла глаза. Но перед глазами была по-прежнему только одна-единственная картина – цветущий луг и маленькая девочка на нем. Белые, похожие на пух кудряшки выбиваются из-под панамки...

Оля столь отчетливо и ясно представила свою неродившуюся дочь, что у нее похолодело все внутри. Она так любила ее, так прикипела к мысли о том, что Дунечка непременно будет, что отказаться от этой мысли было почти невозможно. И никакой другой ребенок не мог бы заменить этой девочки, потому что он был бы другим и все было бы по-другому...

«Во всем виновата только я! Еще зачем-то ябедничала Римке на Эмму Петровну... Если бы я остановилась тогда, смогла сдержать себя, не позволила бы себе этих рыданий, то все было бы хорошо...»

Третьего марта Олю выписали из больницы.

Разумеется, никакой свадьбы не было, ее пришлось отложить на потом.

Викентий потребовал, чтобы Оля жила у него. Она пыталась отказаться, говорила, что уже здорова и что у себя дома ей гораздо удобнее, но Викентий остался непреклонен.

– Хотя бы еще неделю, пока ты на больничном, – заявил он. – Мама будет тебе помогать.

– Да не надо мне помогать! Что я, инвалид...

– Ты не инвалид, ты чрезвычайно инфантильное существо, Оля! Ты совершенно не приспособлена к жизни!

– Мне тетя Агния помогала бы, если ты так не хочешь оставлять меня одну.

– Твоя тетя Агния еще хуже тебя! Младенец почти шестидесяти лет от роду... Она боится всего, даже собственной

тени! Между прочим, я думаю, ей не стоило доверять тебя – если бы не ее, мягко выражаясь, своеобразное воспитание, ты была бы сейчас совсем иным человеком!

– Интересно, а смог бы ты полюбить этого «иноного» человека?.. И потом, кто бы согласился меня воспитывать, если не моя родная тетка?..

Словом, Оля снова оказалась в опасной близости от Эммы Петровны. Но та вела себя на редкость смиренно и никаких попыток снова поссориться не предпринимала.

Когда Викентий утром ушел на работу, Эмма Петровна достала семейный альбом с фотографиями и принялась рассказывать Оле историю рода Локотковых.

Подробно пересказала биографию главы семейства – Степана Андреевича, и без того известную всей стране, затем с восторгом живописала годы своего брака с Георгием Степановичем, как тот нежно любил маленького Кешу... О настоящем отце Викентия она не упомянула ни разу, словно того и не существовало вовсе и словно Викентий на самом деле был родным сыном покойного Георгия Степановича.

Оля искоса поглядывала на Эмму Петровну и не понимала, когда та была настоящей – сейчас или в тот злополучный вечер...

Листая страницы фотоальбома, Эмма Петровна тоном экскурсовода рассказывала об изумительной даче Степана Андреевича под Москвой, где они с Кешей отдыхали почти каждое лето.

– Ну, и ты там скоро побываешь, я думаю, – мимоходом заметила Эмма Петровна. – Кеша ведь без тебя туда не поедет...

«Да, она меня явно недолюбливает и терпит только ради сына, – решила Оля. – Я к ней, собственно, особо теплых чувств тоже не испытываю... Но что делать, надо научиться как-то жить вместе!»

– А... а младший сын Степана Андреевича? – спросила она – просто для поддержания разговора. – Он что, совсем со своим отцом не видится?

Эмма Петровна моментально вспыхнула.

– Павел? – с ненавистью переспросила она. – Разве Кеша тебе не рассказывал, Оленька?.. Павел – это чудовище... Монстр, недостойный звания человека!

– Извините, я, наверное, напрасно спросила о нем... – с досадой произнесла Оля.

– Нет-нет, вовсе не напрасно! – воскликнула Эмма Петровна. – Ты должна все знать о Павле! Ведь ты практически член нашей семьи... Кажется, у меня есть одна его фотография, сейчас покажу... Вот! Правда, исключительный урод?

Некто в тренировочном костюме, с бритой башкой мрачно таранился в объектив. «Хорошо развитый плечевой пояс...» – машинально отметила Оля.

На самом деле Оле был глубоко безразличен Павел Степанович, младший сын патриарха, но Эмма Петровна увлеклась – ее светло-серые глаза даже побелели от ненависти. Ви-

димо, это был ее любимый конек – поносить Павла... «Ах, ну да, Павел – это же главный соперник в деле о наследстве!»

– То, что сделал Павел со своим отцом, просто никакому описанию не поддается! Начну с того, что мать Павла развелась со Степаном Андреевичем и забрала сына с собой. Почему?... Степан Андреевич – слишком видный мужчина, и возраст никогда ему не был помехой. Ревность, банальная ревность! Вместе они жили лет пять, не больше, потом у Степана Андреевича был третий брак, с Галочкой... Детей у них не было, хотя Галочка годилась тому во внучки. Лет десять назад Галочка погибла в автокатастрофе, и больше уж Степан Андреевич не женился. Так вот, о чем это я?... – спохватилась Эмма Петровна. – Павел с самого детства ненавидел своего отца – это ему его ревнивая мамаша внушила, хотя, конечно, оправданием это служить не может...

Постепенно Оля увлеклась и теперь внимательно слушала Эмму Петровну.

– Мамаша умерла, когда Павлу было лет восемнадцать. Степан Андреевич, разумеется, решил помочь сыну встать на ноги, но Павел отказался в довольно резкой форме. Пошел служить в армию, а вернулся совершеннейшим зверем.

– Да? А где он служил?

– В какой-то горячей точке... в Афганистане, кажется!.. – мстительно произнесла Эмма Петровна. – Я так думаю, у него там мозги окончательно свихнулись. Убивал наверняка, как же без этого!

– А потом?

– Ну, как вернулся, тоже в каких-то там войсках служил, хотя Степан Андреевич тыщу раз ему предлагал в институт поступить. Дослужился то ли до капитана, то ли до майора, а потом в отставку ушел... Но я тороплю события. Так вот, когда Павел вернулся из армии, а было это в конце восьмидесятых, то в стране царил полный бардак. Все разваливалось буквально на глазах... И, пользуясь ситуацией, Павел скооперировался с одной скандальной газетенкой, очень известной, и организовал серию разгромных статей о своем отце. Ты не можешь представить себе, Оленька, какой грязью Павел его поливал! Нет, конечно, Степан Андреевич не ангел, но такое... – Эмма Петровна зажмурилась и затрясла головой. – ...Ох, это было ужасно! Степан Андреевич слег с сердечным приступом.

– Ничего себе... – сочувственно пробормотала Оля.

– Но этого мало... Перед армией Павел некоторое время жил с отцом на даче в Подмосковье, когда Степан Андреевич еще надеялся наладить с ним отношения. А на соседней даче жила девушка, Стефания. Фаня – по-домашнему... Кстати, мы с Фаней до сих пор в приятельских отношениях. Отец ее тоже получил свою дачу от Литфонда, очень дружил со Степаном Андреевичем... Павел соблазнил ее и бросил, отказавшись жениться. Был ужасный скандал, Фаня хотела повеситься, но потом как-то сумела взять себя в руки.

– Повеситься?.. – вздрогнув, переспросила Оля.

– Да, в буквальном смысле! Ее еле успели спасти. Степан Андреевич устроил сыну разнос, и Павел сбежал к себе. Осенью попал в армию... Но позже была еще одна очень неприятная история. Где-то в середине девяностых или чуть раньше он женился. На Лерочке Тумановой... – Эмма Петровна на миг задумалась, видимо, колеблясь, как характеризовать эту самую Лерочку. Потом, с сомнением вздохнув, сообщила: – В общем, на неплохой женщине.

«Господи, неужели он и Лерочку заставил вешаться?..» – забеспокоилась Оля.

– Года три они прожили вместе, но потом Павел не смог сдержать свой дьявольский характер – в один прекрасный день без всякой причины он до полусмерти избил Лерочку и выгнал ее в чем мать родила на улицу.

– Зимой? – ахнула Оля.

– Ну почему же зимой? – насупилась Эмма Петровна. – Весной. В конце мая...

– Неужели без всякой причины?..

– Я тебя уверяю, Оленька! Лерочка поехала жаловаться Степану Андреевичу, но что Степан Андреевич мог сделать... Он попытался поговорить с сыном, но Павел и его выгнал из своего дома. Словом, с очередным приступом старик оказался в больнице.

– А что сейчас этот Павел делает?

– После того как уволился со службы, он работает – где-то на окраине Звенигорода. И знаешь кем?..

– Кем?

– Кузнецом! – с торжеством выпалила Эмма Петровна. – Вот кем!

– Неужели еще осталась такая профессия? – удивилась Оля. – Я почему-то думала, что кузнецов больше не существует... А для чего они нужны? Подковы лошадям ставить? Или клепать эти... обода для бочек?

Эмма Петровна торжествующе расхохоталась и поцеловала Олю в щеку. Любая, пусть даже косвенная критика в адрес ненавистного Павла ее радовала.

– Ты почти угадала! – сквозь смех закивала она. – Подковы лошадям... Ха-ха-ха!.. Надо непременно рассказать это Викентию, он тоже повеселится от души... Нет, кажется, еще ограды всякие, решетки, даже ножи он делает, этот Павел... Но, в общем, все верно – архаичная профессия.

– А почему Лерочка не подала на него в суд?

– Могла, но не стала! – с досадой воскликнула Эмма Петровна. – Дело-то семейное... А, главное, она потом вышла замуж за Ивана. Ивана Острогина, родного племянника Степана Андреевича!

– Ну надо же! – удивилась Оля.

– Иван, конечно, тоже не подарок, но... во всяком случае, он не станет колотить свою жену и выгонять ее на улицу.

Эмма Петровна хотела отложить альбом в сторону, но внезапно побагровела – так, что слой пудры на ее щеках показался Оле маской.

– Господи, совсем забыла... – пролепетала она.

– Что?.. – испугалась Оля.

– Я же... ну да, со всеми этими событиями забыла, что Лерочка звонила мне на прошлой неделе и сказала, что Павел зачем-то приехал в Москву.

– Ну и что?

– Да как ты не понимаешь! – с досадой воскликнула ее будущая свекровь. – Если Павел приехал в Москву, это значит, что он хочет встретиться со Степаном Андреевичем! А если он встретится со стариком...

– Так это же хорошо – они, может быть, помирятся!

– Оля, детка, ты не знаешь Павла... Если он и хочет помириться со своим отцом, то только корысти ради! Это не человек, это... Словом, он ничего не делает просто так! И как я такую важную новость не рассказала Кеше! Господи, даже голова заболела... Давление, кажется... – простонала Эмма Петровна.

– Ложитесь, – настойчиво произнесла Оля. – Сейчас проверим.

Она принесла тонометр и стала измерять Эмме Петровне давление. Потом послушала ее сердце. Со смирением мученицы Эмма Петровна позволила себя обследовать.

– Да, немного повышенное... и еще плюс ко всему, кажется, тахикардия. Сейчас таблетку вам принесу.

– Ну да, я же совсем забыла, что ты у нас доктор... – простонала Эмма Петровна.

– А теперь полежите, успокойтесь...

Эмма Петровна лежала на диване, сложив на груди руки, и страдальчески смотрела в потолок.

– Хотите, я позвоню Кеше? – предложила Оля. – Расскажем ему про Павла...

– Нет, боюсь, уже поздно, – мрачно возразила та. – И, кроме того, не стоит отвлекать Кешу от работы... – Она помолчала немного, потом произнесла задумчиво: – У Павла от покойной матери осталась квартира на Яузском бульваре. В таком замечательном доме... Знаешь, там есть удивительный дом, с такими огромными фигурами, очень известный. То же сталинский, как и наш... – пробормотала она и закрыла глаза.

Оля посидела еще немного рядом с Эммой Петровной, а потом ушла на кухню.

Там, за окном, на юго-восточной стороне, светило яркое весеннее солнце, и капель непрерывно барабанила о карниз. И такая тоска напала вдруг на Олю, что она едва сдержала слезы. Она быстро нацарапала на краешке бумажной салфетки: «Ушла ненадолго», накинула на плечи куртку с капюшоном и вышла во двор.

Только тут она ощутила, как не хватало ей свежего воздуха. Физически она чувствовала себя прекрасно, но от этого ей было еще хуже – пустота и легкость в теле были ей неприятны, невыносимы.

Первоначально в Олины планы входило только дойти до

соседнего дома, а затем вернуться обратно. «Дуня-Дуня-Дунечка...» – стучало у нее в висках.

Улицы были полупусты, на обочинах таял черный снег.

Оля не замечала, что продолжает идти.

Очнулась она только в каком-то переулке.

Галки кричали над головой пронзительными голосами и прыгали с ветки на ветку. Оля задрала голову и увидела серо-синее небо над головой, по которому плыли золотые облака. «Ненавижу раннюю весну... Она мучительна, и ее надо пережить, как... как насморк!»

Оля повернула обратно.

Большую часть дороги занимала лужа – скользя на подтаявшей ледяной крошке, перемешанной с прошлогодней листвой, Оля семеняла вдоль сугробов, стараясь не упасть. «Дуня-Дуня-Дунечка...»

Слезы опять навернулись на глаза.

И в этот момент проходивший мимо человек, тоже старавшийся обойти лужу без ущерба для своей обуви, бесцеремонно толкнул Олю плечом.

– Ой! – сказала Оля, упала на твердый сугроб и боком скатилась на тротуар, прямиком в эту самую лужу.

Она заморгала глазами, прогоняя слезы, и увидела впереди себя спину преспокойно удалявшегося мужчины.

– Хам... – растерянно произнесла Оля, сидя в ледяной жиже.

Мужчина обернулся на миг и ничего не ответил. У него

было равнодушное, деловитое лицо.

Чем-то он напоминал Павла с фотографии, которую сегодня показывала Оле Эмма Петровна, – такая же бритая голова. Впрочем, это был довольно распространенный в последнее время тип мужчин – налысо бритых, спортивного вида, хорошо одетых. Конечно, это был не Павел, но Оля восприняла прохожего именно как Павла – негодяя, способного обидеть любого. Родного отца, влюбленную девушку, собственную жену, незнакомую женщину... Все это в один миг пронеслось в Олиной голове.

– Вот хам!.. – удивленно повторила Оля и нашарила рукой комок снега. Произошедшее настолько раздосадовало ее – поэтому единственное, что она могла сейчас сделать, – это бросить вслед мужчине комок снега. Меткостью Оля никогда не отличалась, да она и не собиралась целиться в нахала, сбившего ее с ног. Жест ее носил скорее бессознательный, машинальный характер – когда необходимо сделать хоть что-то.

Но обледенелый снежок звонко поцеловал мужчину в бритый затылок.

– Ого! – удивленно пробормотала Оля.

– Ты!.. – с яростью закричал прохожий, моментально обернувшись. – Метелка крашеная, что ты себе позволяешь?!

Оля хотела сказать, что она вовсе не крашеная, а это ее натуральный цвет волос, но затем поняла, что оправдываться

в данной ситуации было бы глупо.

Мужчина решительно двинулся к ней, потирая ушибленный затылок, и явно не для того, чтобы подать руку.

Перепуганная Оля заерзала. Подняться с подтаявшего, скользкого льда было довольно сложно. Она с трудом встала на колени и поползла вперед, купая ладони в колючей холодной грязи.

– Да я тебя... да ты меня... и мать твою... – выкрикивал мужчина, распаляясь.

Оле наконец удалось встать, и она засеменила вперед.

Но мужчина и не думал прекращать погоню – видимо, самолюбие его пострадало достаточно сильно.

Оля свернула за угол и побежала вдоль оживленной трассы.

Мимо мчались машины, блестел в солнечных лучах мокрый асфальт. И как назло – ни одного прохожего, к которому Оля могла бы обратиться за помощью.

Задыхаясь, она бежала уже в полную силу, но преследователь не отставал от нее. Выкрикивая проклятия, он упрямо топал сзади.

Оля на ходу вытащила из кармана сотовый и попыталась набрать «ноль два». Но ей это не удалось – телефон выскользнул из дрожащих рук и полетел в сторону. Затем ударился о бордюрный камень и отскочил на дорогу, под колеса проезжавшей машины – в тот же момент раздался легкий хруст.

– ...будешь у меня знать!.. ишь, умная какая... да я тебя... – ожесточенно вопил сзади Олин преследователь.

Оля свернула за угол и теперь мчалась вдоль длинного бетонного забора. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее... Оля ругала себя последними словами за то, что позволила себе кинуть в этого мужика ледышку. Подумаешь, упала в лужу! Ничего, не сахарная, не растаяла бы...

Забор кончился, а за ним открылась пустая площадка автотранспортной станции. Оля не стала рисковать и пробежала мимо. Две облезлые дворняги выскочили из-за будки и помчались вслед за ней и ее преследователем.

Краем уха Оля слышала, как мужчина теперь поносит и дворняг.

Она обернулась – дворняги пытались ухватить ее преследователя за брючины. Но он не отставал – все вселенское зло для него теперь заключалось в Оле. Чего он хотел? Убить ее? Вряд ли... Поколотить? Этот вариант был более убедителен, но Олю он не утешал. И она припустила еще быстрее.

Собаки отстали – хриплый лай сделался тише, а потом и вовсе замолк. Но топот не прекращался.

Навстречу медленно двигался старик на костылях. Обращаться к нему за помощью было бесполезно – Оля промчалась мимо, даже не остановившись.

Впереди был жилой дом – вот туда она и стремилась. Свернула в арку и оказалась во дворе-колодце. Увидела, как в один из подъездов заходят люди.

«Помогите!» – хотела крикнуть она, но вместо этого из груди вырвался лишь жалкий писк.

– Что, допрыгалась?.. – радостно прохрипел сзади ее преследователь. – Сейчас ты у меня узнаешь кузькину мать... Ведь чуть не убила, метелка крашенная...

Люди, даже не обернувшись, исчезли в подъезде.

– Отстаньте от меня!.. – задыхаясь, в отчаянии крикнула Оля. – Вы сами виноваты!..

И, не придумав ничего лучше, она бросилась к подъезду.

На ее счастье, дверь еще была открыта – автопроводчик работал медленно, и Оля успела заскочить внутрь.

Но людей уже не было внизу – шуршал лифт, поднимая жильцов вверх, и до Оли донеслись их веселые голоса.

Тот же самый медленный дверной автопроводчик позволил заскочить в подъезд и Олиному преследователю.

Недолго думая, Оля побежала вверх по лестнице.

– Ага, попалась! – злорадно запыхтел ее преследователь. – Теперь не уйдешь... У меня, может, из-за тебя сотрясение мозга случилось!

Оля наклонилась через лестничные перила:

– Как же! – фыркнула она. – Сотрясение! Да у вас и мозгов нет... Потому что вы хам, хам, обыкновенный уличный хам!

От отчаяния она стала злиться.

Она бежала вверх и звонила во все квартиры подряд. Но никто не открывал, и лишь где-то снизу хлопнула дверь и сварливый женский голос закричал:

– Перестаньте хулиганить, а то я сейчас милицию вызову!

Олин преследователь и не думал сдаваться – шумно пых-тя, он упорно карабкался вслед за ней.

Девятый этаж оказался последним.

От слабости Оля не чувствовала ног, дыхание сбивалось. Дальше бежать было некуда. Она позвонила в последнюю дверь, за которой царила равнодушная дневная тишина, и беспомощно огляделась.

– Ну все... я тебя... ты у меня... – задыхаясь, пробормотал преследователь, заползая на последнюю ступеньку. Оля толкнула его ногой, а потом стала карабкаться по приставной лестнице вверх – там, на потолке, был люк, ведущий на чердак.

В последний момент мужчина успел ухватить ее за край куртки. Оля быстро расстегнула молнию, и куртка оказалась в руках у ее преследователя. Она молила бога только об одном – чтобы люк не оказался запертым.

Из последних сил забралась на самый верх лестницы, толкнула люк плечом – и, на ее счастье, он подался.

Она быстро скользнула внутрь, захлопнула дверцу и упала на нее всем телом.

Ее преследователь тем временем недоуменно смотрел вверх.

– Юркая, как обезьяна... – констатировал он. – Вот пойдешь ты, догони такую!

Он брезгливо повертел в руках ее куртку, заляпанную

уличной грязью, а затем бросил ее вниз, в лестничный пролет. Долго смотрел вниз, а после того вызвал лифт. Пока ждал его, все потирал ушибленный затылок.

– Вот, теперь шишка будет! – с сердцем произнес он и, войдя в пустую кабину, нажал на кнопку первого этажа...

Оля не знала, что человек, преследовавший ее, давно ушел.

Она лежала в полутьме и напряженно вслушивалась.

Ей слышался быстрый топот – словно тот незнакомец все еще преследовал ее, но на самом деле это билось ее сердце.

От усталости Оля не чувствовала собственного тела.

– Как глупо... как все глупо! – попыталась она засмеяться.

Оля хотела встать, но не смогла.

Где-то там, снаружи, по карнизу бегали голуби, стрекоча коготками, и возбужденно курлыкали.

Оля лежала на полу, покрытом толстым слоем мягкой пыли, и смотрела вверх – туда, где пересекались какие-то балки и стропила. После той паники, которую она испытала, убегая от уличного хама (хотя, если подумать, и ему тоже здорово от нее досталось), вновь наступила тоска – такая острая, что ее едва можно было вынести.

Мысль о ребенке – о Дунечке, которую она потеряла, отогнала последние остатки страха.

Оля лежала на чердаке, в пыли, и не испытывала никакого беспокойства из-за странности своего положения, словно так

и должно было быть – ее место здесь, и оно ничем не хуже другого.

А потом она погрузилась в легкую дрему...

Пришла в себя не сразу – было холодно, а сквозь подслеповатые чердачные окна, похожие на бойницы, сияла огнями ночная Москва.

Оля встала и обошла чердак. Нашла какое-то старое, рваное пальто и вязаную шапку – такие шапки обычно носят строители. От всех этих вещей странно пахло, но Олю уже мало трогали подобные мелочи, она закуталась в пальто, нагнула сверху какой-то половик вместо одеяла, который нашла тут же, рядом, и снова заснула.

Окончательно проснулась она далеко за следующий полдень, чувствуя полнейшее равнодушие ко всему окружающему, и к себе в том числе.

Хотелось только есть.

Через люк Оля снова вылезла наружу и пешком спустилась по лестнице (то, что можно воспользоваться лифтом, ей даже не пришло в голову). Старый половик она упорно тащила за собой...

Какая-то тетка стала орать на нее, когда она выходила из подъезда – Оля так и не поняла, почему.

Есть хотелось все сильнее.

Оля брела по улице, щурясь от мартовского солнца.

Около церкви кто-то сунул ей в руки бумажную десятку.

Оля не сразу вспомнила, что это деньги и для чего они.

Сунула десятку в окошечко ближайшего ларька и сказала:
– Чего-нибудь... – Голоса своего она не узнала. «Это кто, я?..»

Ей протянули шоколадный батончик. В общем, и он оказался каким-то странным, без вкуса, но зато голода Оля потом уже не чувствовала.

Она добрела до вокзала. Часть ночи провела в каком-то переходе, где какая-то нищенка сначала хотела ее погнать, а потом почему-то подобрела и оставила возле себя. Она показала Оле, как надо просить милостыню – что Оля, не видя никакого смысла сопротивляться, стала делать. И, что самое главное, подавали ей хорошо.

– Очень уж жалостный вид у тебя, молодка... – весело констатировала нищенка, шмыгая сизым носом. Для полного завершения имиджа она отняла у Оли ее сапожки, а вместо них дала разбитые валенки невероятного размера. Олины кудри, к тому моменту изрядно испачканные, чем-то трогали сердца суетливых прохожих.

Затем пришлось убежать от милицейской облавы, и где-то по пути Оля потеряла свою сизоносую покровительницу, половичок же по-прежнему продолжала прижимать к груди...

Ночевала она в каком-то подъезде. Но под утро жильцы выгнали ее оттуда, и Оля пошла к булочной просить милостыню, это было единственное, что она могла сейчас делать.

Постепенно Оля забыла обо всем, что ее мучило. Стерлось из памяти собственное имя, лицо Агнии, имя жениха,

сам факт существования Эммы Петровны и то, что когда-то она мечтала о девочке по имени Дунечка. И лишь где-то в самой глубине ее сознания копошилась неясная мысль о том, что надо куда-то идти. Но вот куда, зачем?.. Может быть, она хотела найти того бритоголового хама – для того, чтобы объяснить ему: нельзя быть таким злым, нельзя обижать людей?..

Так она бродила изо дня в день по близлежащим улицам до тех пор, пока не уставала. Устав же, садилась на свой половичок у какого-нибудь дома, чтобы передохнуть, и с безучастным видом смотрела на то, как прохожие кидали ей под ноги мелочь...

Особенно ей полюбилилось местечко у одного красивого дома. Там было спокойно, почти безлюдно... Но надолго обосноваться там Оле не удалось...

Через некоторое время из подворотни появился хмурый старик в потертой женской дубленке и, шамкая, заявил Оле, что это не ее территория и что она должна убираться отсюда.

– Через час проверю – и чтоб духу твоего тут не было, дрянь такая! – брюзгливо заключил старикашка и ушел.

Вернулся он раньше и, увидев Олю на том же месте, разразился бранной тирадой, большей частью состоявшей из непечатных слов, поэтому смысла ее Оля не поняла. Она заморожено смотрела старику в рот, в котором торчал один-единственный золотой зуб, и силилась понять, о чем тот кричит.

– Ты тоже злой, – наконец догадалась Оля. – Так нельзя...

Почему люди злые?..

На что старик вцепился ей в волосы и потащил куда-то в переулок. Было больно, Оля попыталась вырваться... И наконец ей это, кажется, удалось: поправляя на голове вязаную шапку, Оля вдруг обнаружила, что старика поблизости уже нет. Зато у края тротуара стояла большая красивая машина и человек в ней через распахнутую переднюю дверь протягивал Оле руку, словно звал с собой.

Это было удивительно, поскольку Оля уже поняла: мир, в котором существует она, никогда не пересекается с миром других людей – особенно тех, которые ездят в таких красивых блестящих автомобилях.

Она долго смотрела на протянутую руку, а потом решилась и шагнула вперед. Ее замерзшие, грязные пальцы с обломанными ногтями легли в ладонь незнакомца.

Поступку его Оля не удивилась, потому что тут же решила для себя, что человек этот, судя по всему, не злой и просто хочет ей помочь.

Она осторожно залезла в салон, где было тепло и тихо играла музыка.

Машина тут же тронулась с места.

По дороге человек пытался расспросить ее, как ее зовут и откуда она.

Но она уже не помнила ни своего настоящего имени, ни где жила когда-то. Да разве это имело какое-то значение?.. Олю теперь уже мало что волновало.

Она грызла прядь своих спутанных волос и со спокойным любопытством глазела на незнакомца.

Что было дальше – тоже не задержалось в ее памяти. Кажется, ночевать на улице ей больше не пришлось. Да, именно так, потому что ни холода, ни голода она больше не испытывала...

Иногда какие-то смутные образы мелькали в ее голове, но ни за один из них она не могла зацепиться. Старалась, но не могла.

Время остановилось для нее.

Не было ни минут, ни часов, ни утра, ни вечера... лишь бесконечность. Она словно плыла по безбрежному океану, а горизонт терялся в туманной дали.

А потом что-то произошло: в один прекрасный день она почувствовала беспокойство. Неясное и поначалу почти неощутимое, оно вдруг начало нарастать. И смутные образы, на которые Оля поначалу не обращала никакого внимания, стали все настойчивей преследовать ее. Какие-то лица... Если напрячься, то можно понять, кто были эти люди и какое они имели отношение к ней. К ней?.. А она-то сама – кто?

Беспокойство переросло в панику.

В первый раз Оля осознанно огляделась и обнаружила, что находится в квартире, совершенно незнакомой ей. Как она тут оказалась?

«Что-то не то... Не то и не так!» – в ужасе подумала она.

И решила, что ей надо бежать отсюда. А как же иначе,

если она не знала этого дома и, значит, не имела права тут находиться?!

Куда бежать, Оля тоже пока не понимала, но это был уже вопрос второстепенный.

Она торопливо принялась открывать замки на входной двери – не дай бог, ее найдут хозяева квартиры и спросят, как она тут оказалась! Что она им тогда ответит?..

Выскользнув на улицу, Оля побежала вдоль домов, торопясь покинуть незнакомое место.

Было тепло и сияло солнце. Нестерпимо и нежно пахло сиренью. Сиренью?

Оля не понимала, откуда могла взяться сирень, ведь только-только начался март. Март?!

Это было первое несоответствие, которое смутило ее, поскольку вокруг не наблюдалось ни сугробов, ни грязных луж, а деревья стояли все в зелени. Прохожие были одеты подозрительно легко – кофточки, рубашки... Мимо проехал велосипедист – вообще в шортах и майке!!!

Оля быстро оглядела себя – на ней было длинное белое платье из мягкого трикотажа и белые кожаные тапочки. «Я умерла! – в страхе решила она. – Я умерла и воскресла! Иначе откуда на мне эта странная одежда?! Или, может быть, я впала в летаргический сон и меня похоронили, не зная, что я жива? А потом я каким-то образом выбралась из могилы...»

Оля попыталась вспомнить собственные похороны, но все оказалось тщетным. Зато она обнаружила, что идет по ули-

цам в определенном направлении, как будто ноги сами, без ее участия, знают, куда идти.

«Кажется, на метро получится быстрее. На метро? Но у меня нет денег... А если попробовать на троллейбусе или трамвае?»

Она перешла на другую сторону дороги и на остановке дождалась трамвая. Номер маршрута вызвал у нее бурное волнение. Она залезла в трамвай и села на заднее сиденье. На ее счастье, контролера здесь не было..

И чем дальше она ехала, тем сильнее волновалась. Ну да, как будто знакомые места!

Когда волнение ее достигло пика, она сошла с трамвая.

Да, как будто здесь... Но что здесь, куда она стремится так упорно?

Оля побежала по тихому переулку, глядя на номера домов.

– Здесь или не здесь?.. – бессвязно бормотала она себе под нос. – И как мне узнать, умираю я или нет?..

И вдруг она нос к носу столкнулась с немолодой черно-волосой женщиной, в темно-коричневом широком платье. Женщина посмотрела на Олю безумными глазами и закричала:

– Ты?..

– Я... – прошептала Оля. Женщина эта была ей знакома. Даже очень знакома! И звали ее... тетей Агнией.

Когда Оля вспомнила это, она вспомнила и свое имя. Ну

да, она же – Оля. И шла она к собственному дому, что в Гусятниковом переулке!

– Олюшка, миленькая!.. – зарыдала тетя Агния, стиснув Олю в объятиях. – Уж и не думала, что увижу тебя! Как мы тебя только не искали – и через милицию, и детектива частного нанимал Кеша...

«Ну да, Кеша! Мой жених!» – Оля вспомнила и Викентия. Его голос, его лицо и то, как они больше года назад познакомились на ступеньках кинотеатра «Пушкинский» после премьеры какого-то суперпупер-блокбастера – Викентий подошел к ней и заговорил о фильме.

...Потом они дошли до памятника Пушкину и еще битый час болтали о какой-то ерунде – так легко и свободно Оля себя еще ни с кем не чувствовала. Потом он пригласил ее в кофейню – тут же, на Тверской, и она согласилась. На следующий день поехали в Архангельское, потом он чуть ли не каждый день заезжал за ней на работу... Она рассказала о своем новом знакомом тетке, и та была в ужасе – как же так, познакомиться с первым встречным, на улице! А вдруг он, не дай бог, маньяк какой-нибудь?.. Потом, конечно, тетка поняла, что подозрения ее беспочвенны.

Оля тоже едва не заплакала, обнимая сейчас тетю Агнию, главным образом потому, что вспомнила о Викентии.

– Как он? – спросила она срывающимся голосом.

– Кто? – всхлипнула тетя Агния.

– Да Кеша же!

– Он?.. Он хорошо. И Эмма Петровна тоже ничего...

Эмма Петровна! Оля вспомнила и ее. И ту злосчастную ночь, и свои мечты о ребенке – Дунечке...

Воспоминания, накапливаясь, переполняли Олю – радостные и печальные. Ее детство, юность, молодость, работа, дом... Она вспомнила все, она вновь обрела себя.

– Да где же ты была, Оля? – вновь нетерпеливо спросила тетя Агния. – Тебя похитили, да? Ты здорова? С тобой все в порядке?..

– Н-не знаю... – растерянно ответила Оля, прислушиваясь к собственным ощущениям. – По-моему, со мной все в порядке...

– А мы тут просто места себе не находили... А детектив этот никуда не годился, очень бестолковый был мужчина, я сразу хотела Кеше сказать... – сбивчиво рассказывала тетка.

Оля слушала ее торопливое бормотание, а сама пыталась понять: действительно, а где же она пропадала все это время?..

– Какое сегодня число? – нетерпеливо перебила она тетку.

– Двадцать первое мая... – зачарованно ответила та. – А почему ты спрашиваешь? Оля, Оленька, да расскажи ты мне все!

«Двадцать первое мая! Почти два месяца!» – ошеломленно подумала Оля. И тут же сделала для себя открытие – она помнила все, кроме этих двух последних месяцев.

«После больницы я жила у Викентия. Эмма Петровна

принесла мне альбом с фотографиями, стала рассказывать о своей семье... Да, точно, она еще ругала Павла, младшего сына Степана Андреевича... Потом она заснула, а я вышла на улицу, прогуляться. Какой-то тип толкнул меня, и я свалилась в лужу. Кинула в него снежком. Он за мной погнался... Я забежала в какой-то дом, он – за мной. Потом я спряталась на чердаке. И там... А вот что было после того, не помню. Хоть убейте – не помню!»

Тетя Агния сквозь слезы ошеломленно смотрела на нее. Тетку срочно требовалось успокоить.

– Я... со мной все в порядке, тетя Агния. Жила у подружки, на даче.

– У какой подружки? – растерянно спросила та.

– У Зины... – произнесла первое попавшееся имя Оля. – Да ты ее не знаешь! А там связь плохая и вообще...

– Что?..

– Я... я очень переживала. Ну, когда вышла из больницы. Просто места себе не находила! И понимаешь... мне было так плохо, что я никого не могла видеть. И тогда я решила сбежать ото всех! – нашла Оля. Ужас в глазах тетки постепенно исчезал, уступая место состраданию. Чего-чего, а в душевных драмах тетя Агния разбиралась хорошо. – Я очень виновата, прости меня.

Тетка с новой силой стиснула ее в объятиях.

– Не извиняйся, ты ни в чем не виновата! – страстно воскликнула она. – Я все, абсолютно все понимаю!

– Идем ко мне... – Оля повела ее к дому. – Только... только ключи я потеряла, кажется.

– Так у меня же есть! – обрадовалась тетя Агния. – Я ведь, собственно, и шла к тебе – цветы полить и пыль протереть. А знаешь... – она оживилась. – У меня предчувствие было, когда я сюда шла. Честное слово! Иду и думаю: а вдруг сейчас Оленьку встречу! Я чуть в обморок не упала, когда тебя увидела... И платье на тебе такое интересное! Зина дала?

– Зина, Зина... – рассеянно кивнула Оля.

«Это амнезия. Ретроградная, антероградная или какие там еще амнезии бывают... – Оля в этом не разбиралась. В институте она, конечно, изучала основы психологии и немного – психиатрии, но потом, после специализации, эти разделы медицины были от нее бесконечно далеки. Сейчас, если бы к ней на прием пришел пациент с жалобами на потерю памяти, она с чистой совестью отправила бы его к соответствующему специалисту. – Господи, как в кино! Уж сколько сериалов на эту тему снято... Никак не ожидала, что и со мной может приключиться подобная неприятность!»

...После ухода тетки, уже вечером, Оля остановилась перед зеркалом.

Белое платье, белые тапочки... Немудрено, что она подумала о том, что умерла, а потом воскресла – никогда у Оли не было подобной одежды! Хотя черный цвет она тоже недолюбливала...

Трикотаж на ощупь был мягким, ласкал ладони. Оля стянула платье через голову, принялась вертеть его в руках. В боковой шов была вшита этикетка – какая-то мудреная вязь, непонятно что обозначающая.

– Вот ерунда... – с досадой пробормотала Оля, пытаясь разобрать вязь. И вдруг закорючки на этикетке сложились в слова – это было название известного английского дома моды. Оля ахнула.

«Наверное, подделка...» – попыталась уверить она себя, но что-то ей говорило, что сама ткань, да и крой платья, и то, как тщательно обработаны швы – слишком хороши для ширпотреба.

Белье под одеждой тоже было очень красивым и явно дорогим.

У Оли мороз пробежал между лопаток.

Она сняла с себя белые тапочки (кажется, такие называют «мокасынами»), тоже подвергла их пристальному изучению. И тапочки были явно не из дешевых...

– Господи, господи... Откуда у меня взялись эти вещи?!

Обычно Оля ходила в джинсах и водолазках, а летом предпочитала футболки (в конце концов, какая разница, что там у нее надето под медицинским халатом, ведь работала она в халате!). И лишь для торжественных случаев у нее было маленькое черное платье. («У каждой женщины должно быть маленькое черное платье!» – лейтмотив всех модных обзоров.)

Дрожа, Оля осмотрела себя со всех сторон. Ни синяков, ни ссадин. Осторожно пропальпировала себя везде – никаких неприятных ощущений. Гладкая, бархатистая, ухоженная кожа... Впрочем, она и раньше была такой. Маникюр на руках!!!

Дело в том, что по роду своей профессии Оля никогда не носила длинных ногтей, а теперь ногти у нее были длиннющие, невероятно ровные и покрытые лаком какого-то пугающего, абрикосово-розового оттенка – такой Оля в здравом рассудке ни за что бы не выбрала.

«Что же со мной было? Что я делала? – растерянно подумала Оля. – И где я находилась все это время?..»

Воображение рисовало самые невероятные картины.

Дело в том, что Оля всегда была очень сдержанным человеком, она даже не пила практически, боясь, что даже легкое опьянение помешает ей контролировать себя... А тут целых два месяца ее тело жило своей жизнью, пока сознание путешествовало неизвестно по каким далям!

«Надо сдать все возможные анализы, а потом записаться на прием к Юлиану Фаддеевичу! – тут же решила Оля. Юлиан Фаддеевич был известным психотерапевтом и вел прием на третьем этаже, в самом дальнем крыле их поликлиники. Когда он сталкивался с Олей в коридорах, то норовил назначить Оле свидание, а Оля неизменно отказывалась – психотерапевт был дамским угодником и к нему вечно была очередь из взбудораженных, томных особ женского пола...

Этот совет – показаться соответствующему специалисту, как уже упоминалось, Оля дала бы любому своему пациенту. Но стоило ей вспомнить о Юлиане Фаддеевиче, как решимости у нее поубавилось.

«Может, это и хорошо, что я ничего не помню? Кто знает, какие демоны владели мной, когда я ничего не соображала...» – обреченно подумала она.

Тетя Агния говорила, что ее искали с работы.

Оля быстро набрала телефон заведующей.

– Лариса Марковна, это я, Журавлева... Да-да, та самая пропавшая Журавлева, – вздохнула Оля.

Непосредственная Олина начальница была женщиной вспыльчивой и мстительной. Услышав в трубке Олин голос, она тут же высказала все то, что думала о своей подчиненной и вообще о людях, которые столь наплевательски относятся к своей работе.

– Ты уволена, Журавлева! – вопила Лариса Марковна. – По статье! Можешь прийти и забрать свою трудовую книжку! Взяла и пропала неизвестно куда! А кто работать будет?.. Где я замену тебе найду?.. А о коллективе ты подумала?.. Я сразу сказала Лякиной: «Марь Иванна, не надо нам брать эту Журавлеву, потому что в тихом омуте черти водятся!» Вот так оно все и вышло, по-моему...

Лякина Мария Ивановна была главной медсестрой в их поликлинике.

Оля терпеливо выслушала поток обвинений.

И лишь в конце своего монолога, немного отдышавшись, заведующая спохватилась:

– А где же ты была, Журавлева?.. Ты же дома на больничном сидела, да? А потом что?

– Сидела, – мрачно согласилась Оля. Ей совершенно не хотелось рассказывать вздорной Ларисе Марковне о том, как она, Оля, на целых два месяца выпала из этой жизни. «Придумала бы что-нибудь получше, Журавлева! – ехидно заметила бы заведующая. – Насмотрелась, поди, мексиканских сериалов и теперь про амнезию мне толкуешь. Не верю я тебе, Журавлева, и никто тебе не поверит!..»

– Ну и в чем дело-то?.. – нетерпеливо переспросила Лариса Марковна.

– Ни в чем. Вы совершенно правильно меня уволили.

– Нет, ты скажи... – в голосе заведующей слышалось плохо скрываемое любопытство.

И Оля не придумала ничего лучше, как повторить ту самую ложь, которую она преподнесла тете Агнии для ее спасения.

– Вы знаете, Лариса Марковна, что я потеряла ребенка, – вымученно произнесла она. – Я так тяжело переживала это, что была вынуждена уехать из города. Жила на даче, у подруги. Если честно, мне тогда на все было наплевать.

Лариса Марковна замолчала. Потом протянула неуверенно:

– Так бы сразу и сказала...

– Я и сказала, – огрызнулась Оля.

Лариса Марковна шумно вздохнула.

– Ты могла бы позвонить. Я, в конце концов, тоже женщина, поняла бы...

– Я не могла позвонить! – закричала Оля. – Я... я была не в состоянии! Я родной тетке не позвонила!

Лариса Марковна издала что-то вроде стона.

– Вот что, Журавлева... – неуверенно пробормотала она. – На самом деле мы еще твое увольнение не оформляли. Мне Марь Иванна говорила, что ты девушка слишком чувствительная, из-за ребенка наверняка переживаешь... Ты как, теперь в порядке?

– Теперь – да.

– Вот что... Я тебе больничный задним числом оформлю, а ты завтра выходи на работу. Все будет в порядке.

Оля от удивления потеряла дар речи. Она не ожидала такого поворота событий и мысленно уже распрощалась со своей работой.

– Сама понимаешь, кто сейчас в поликлинике согласится вкалывать... – бубнила Лариса Марковна. – И где я перед летом подходящего специалиста найду?.. Да их днем с огнем не сыщешь!

– Ну да... – растерянно согласилась Оля.

Лариса Марковна пришла в хорошее расположение духа и тут же, воспользовавшись удобным случаем, навесила на Олю какие-то дополнительные дежурства.

Оля была вынуждена согласиться.

Она положила трубку и задумалась. Теперь предстояло самое трудное – разговор с Викентием.

Но ему она собиралась рассказать только правду.

– ...Оля! – Он ворвался, едва не сбив ее с ног, обнял, потом оттолкнул от себя. – Оля, что ты со мной делаешь?!

Викентий примчался через полчаса после того, как она ему позвонила – за это время Оля едва успела привести свои волосы в порядок и избавиться с помощью электрощипцов от вульгарных кудряшек. Эту процедуру она считала обязательной, и лишь потеря памяти могла служить некоторым оправданием того, что на голове ее буйно вились локоны.

– Кеша, милый, я сейчас все объясню...

Она протянула ему руки, и он не выдержал, снова обнял ее.

– Куда ты пропала?... – забормотал он, уткнувшись лицом ей в шею. – Злая, жестокая, плохая... как же я люблю тебя!

– И я тебя люблю, Кеша, миленький, я тебя больше жизни люблю... – она не выдержала и заплакала.

Он сел на диван, посадил ее к себе на колени, принялся целовать ее без счета. Целовал и проклинал. Оля не узнавала своего жениха – кажется, она еще никогда не видела его в таком состоянии...

– Мы искали тебя повсюду, детектива наняли...

– Знаю, знаю – тетя Агния говорила!

– ...просто места себе не находили! Написала записку: «Ушла ненадолго» – и исчезла. Испарилась, растаяла в воздухе! Пропала! Сквозь землю провалилась! Я уже думал, ты умерла! – с ненавистью закричал Викентий. Потом стиснул Олю в объятиях с такой силой, что она едва не задохнулась.

– Я не умерла, – с трудом произнесла Оля. – То есть в каком-то смысле, может, и умерла... В общем, со мной произошла невероятная история. Ты не поверишь...

Викентий слегка отстранил Олю и так и впился взглядом в ее лицо.

«В любом случае я не смогла бы ему солгать... Но как он смотрит!»

И Оля, которая, по сути, не должна была чувствовать своей вины за произошедшее, вдруг почувствовала страх и смущение.

– Я тебя слушаю, – одними губами прошептал Викентий.

Оля, сбиваясь, принялась рассказывать свою историю. Подробно описала случай с прохожим, из-за которого она упала в лужу, брошенную ледышку, разбитый сотовый, погоню по лестнице, пыльный чердак... Потом, стараясь держаться медицинских терминов (ей казалось, что так будет убедительней), попыталась объяснить свое состояние, из-за чего оно, возможно, произошло.

– ...понимаешь, на какое-то время я потеряла память. Такое случается, хотя я точно не знаю, из-за чего у меня могла возникнуть амнезия...

– Что? – перебил ее Викентий. – Амнезия?

– Ну да, я же тебе говорю... – сбилась Оля.

Викентий вдруг принялся безудержно хохотать.

– Пожалуйста, перестань! – взмолилась Оля. – Я ничего не придумываю, это все правда!

– Правда?.. – Он перестал хохотать и резко пересадил ее с коленей на диван. – Ну, и где же ты была все это время?

– Я не помню! – закричала Оля.

– А как же ты пришла в себя?

– Тоже не помню! Шла по городу, пока не оказалась у себя, в Гусятниковом, и тут нос к носу столкнулась с Агнией... А как увидела ее, то сразу вспомнила, кто я и что я.

Викентий с недоверием передернул плечами:

– Но... Не на улице же ты жила все это время?..

– Не на улице, – убито согласилась она. – Погоди минутку...

Она принесла из другой комнаты те вещи, что были на ней.

– Вот.

– Что это? – настороженно спросил он.

– Это было на мне, когда я очнулась. Платье, туфли, белье...

Викентий брезгливо поднял за бретельку изящный шелковый лифчик белого цвета.

– Стильная штучка... – задумчиво произнес он. – Не дешевле двухсот долларов. Я, кстати, собирался подарить тебе

к свадьбе нечто подобное...

– Ты так хорошо разбираешься в женском белье? Впрочем, не важно... – спохватилась Оля.

– Еще как важно! – рассердился он. – Ты вернулась в дорогом белье, мокалинах «мэйд ин Италия», и платье, платье... – он принялся вертеть в руках белый трикотаж.

– «Мэйд ин Англия» платье, – машинально подсказала Оля.

– Не всякий врач-физиотерапевт позволит себе купить подобные штучки.

– Так я это и не покупала!

– А кто?

– Не знаю! – в отчаянии закричала Оля. – С того момента, как пряталась на чердаке, и до тех пор, пока не очнулась в Гусятниковом, я ничего не помню!

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Кеша, милый...

– Молчи! Не называй меня милым! – Он схватился за голову. – Боже мой, Оля, что ты со мной делаешь...

– Я ничего с тобой не делаю, я пытаюсь рассказать тебе правду.

– Правду? Я буду последним идиотом, если поверю во всю эту ерунду с амнезией... – выдохнул он. – Хотя нет. Это очень удачная выдумка: мол, не помню ничего – и все. Без комментариев, как говорится...

– О чем ты?

– По-моему, ты все это время была у своего... у своего бывшего, – с трудом произнес Викентий. Схватил ее за руку и тут же выпустил. – Ну вот, и маникюрчик, ко всему прочему... Ты удрала от моей матери и все это время жила у него. А потом вернулась, потому что... почему ты вернулась, а?

Так получилось, что Оля имела неосторожность рассказать когда-то Викентию о своем предыдущем романе, чего делать никогда и ни при каких обстоятельствах не следует, ибо самолюбие не всякого мужчины может это выдержать.

Прежний Олин возлюбленный был этаким плейбоем, весело прожигаящим жизнь – разумеется, из этого романа ничего серьезного не получилось. Оля несколько не сожалела, что рассталась с ним, и теперь никакая сила не могла вернуть ее в объятия Игоря Старцева – именно так звали ее бывшего.

– Ты про Старцева, что ли? – с недоумением переспросила Оля.

– Про него, про него, родимого... – усмехнулся Викентий.

– Нет, что ты! Это невозможно... Он такой эгоист! – возмутилась Оля. И вдруг замолчала, прижав ладони к пылающим щекам. Никакая сила... А что, если в этом и заключается правда – она все это время жила у своего прежнего возлюбленного? Ее спутанное сознание сыграло с ней злую шутку!.. Что ж, в этом случае становится понятным, откуда на ней эта одежда – Игорь Старцев был человеком далеко не бедным и к тому же нежадным при всех своих прочих недостатках.

Викентий внимательно смотрел на Олю.

– Вот именно потому, что он такой эгоист, ты и сбежала от него. Как говорится, в одну реку нельзя войти дважды. Оля, Оля... – он беспомощно улыбнулся. – Зачем лгать, зачем придумывать эту невообразимую чепуху про амнезию... Все это время ты жила у Старцева! К сожалению, болван-детектив, нанятый мной, так и не смог найти адрес этого субъекта, тогда бы я уже давно встретился с тобой.

– Ты думаешь? – потрясенно пробормотала Оля.

– Ох, вот только не надо продолжать разыгрывать этот спектакль... – поморщился Викентий. – Я, конечно, не был до конца уверен в этой версии, но теперь у меня нет сомнений, что я не ошибался. Ты не умеешь врать, Оля. Посмотри на себя в зеркало.

Оля молчала.

– Я тебя так люблю... – печально продолжил Викентий. – Зачем тебе еще кто-то, ну зачем?

У него задрожал голос.

– Кеша... – потерянно прошептала она. – Милый мой, самый-самый любимый... Честное слово, я сама не знаю, что происходит!

Она попыталась обнять его, но он оттолкнул ее руки.

– Ты чудовище, Оля!.. – бросил он ей в лицо. – Глупая кукла! Господи, какое бездарное вранье... Сколько раз мама мне твердила, что ты глупа... А я не верил ей, я не видел в тебе ни одного недостатка... Потому что я сам дурак!

– Кеша...

– Оставь меня. Оставь меня навсегда! И еще лифчик мне этот притащила... – Викентия трясло. – Какая гадость! Какая гадость...

– Кеша, миленький!..

– Не трогай меня! И ведь мы чуть не поженились, чуть ребенок у нас не родился... – Он вдруг замолчал, а потом произнес ошеломленно: – Послушай, а вдруг ты и раньше, все это время встречалась со Старцевым, а? И ребенок тот вовсе не от меня...

Оле стало жутко. Она даже представить себе не могла, что ее долгое отсутствие можно истолковать именно таким образом. И ведь как все сложилось одно к одному...

– Ну да, что-то ты больно долго скрывала от меня свою беременность... Мама! Моя мама меня предупреждала! Я, скотина, чуть даже не поссорился со своей родной матерью – из-за тебя, из-за тебя... Она говорила мне, а я не хотел ее слушать!

– Кеша!!!

Он снова оттолкнул ее и решительно направился к двери. Бесполезно было бежать за ним, что-то объяснять...

Оля так и осталась сидеть на диване и лишь вздрогнула, когда хлопнула входная дверь.

Слез больше не было – внутри ее все окаменело. А потом она вскочила и принялась ножницами ожесточенно кромсать белье и платье. Она ненавидела себя. «В самом деле, почему

я сразу не подумала о Старцеве?.. Я все это время была у него, у этого надутого индюка! А кто же еще мог преподнести мне эти дурацкие тряпки!»

Потом она без сил упала на диван и закрыла глаза.

«Я действительно дура... Эмма Петровна права – я безнадёжная дура! Собственными руками разрушила свое счастье...»

Случилось то, чего Оля больше всего боялась, – она потеряла Викентия. Навсегда. Кто мог простить такое?.. Теперь она была одна, и невеселая судьба тети Агнии пронеслась перед ее глазами. Теперь это будет и Олина судьба, вряд ли она встретит кого-то лучше, чем ее бывший жених, вряд ли она сможет еще кого-то так полюбить...

Пустая, скучная, жалкая жизнь – вот что ждало ее впереди.

...Эмма Петровна негромко наигрывала на рояле мелодию из кинофильма «Семнадцать мгновений весны». Играла, а сама краем глаза косилась на сына.

Сквозь полуоткрытую дверь было видно, как Викентий ходит у себя по комнате из угла в угол. Мечется, словно зверь в клетке. Бедный мальчик! Она, конечно, переживала за него, но и радовалась – тоже. В конце концов, это хорошо, что все закончилось, не успев зайти слишком далеко.

«Если бы они поженились, да еще и ребенок родился... о, тогда отвязаться от этой Оленьки было бы не так просто!»

Нет, все-таки есть бог! И ведь с самого начала было ясно, что это за особа – авантюристка, наглая, глупая, жадная... Угораздило же Кешу влюбиться именно в такую!»

Эмма Петровна осторожно закрыла крышку рояля и позвала:

– Кеша!

– Да, мама? – не сразу отозвался он.

– Послушай, я бы прогулялась... Да и тебе не мешало бы!

Такая дивная погода, настоящее лето.

– Я не хочу, – равнодушно произнес он.

– Но ради меня... Пожалуйста!

Целую неделю ее сын не выходил из дома. Работал за компьютером, документы ему пересылали по электронной почте – благо была такая возможность. Он работал в крупной фирме по продаже недвижимости...

– Кеша!

– Хорошо, – Викентий вышел. – Собирайся, мам, махнем в какую-нибудь кафешку.

Эмма Петровна просияла. «Ничего, все наладится! Скоро он совсем придет в себя...»

В конце мая стояла жаркая, почти летняя погода. Оранжевое солнце и не думало садиться за горизонт, казалось, день будет длиться вечно.

Сели в машину, без всяких пробок доехали до центра – там, в одном из уютных уголков Замоскворечья, находилось любимое кафе Эммы Петровны, и, к ее радости, была уже

открыта летняя веранда.

Они с сыном заказали себе кофе с пирожными.

Развесистый тополь лениво шелестел над их головами листвой.

Викентий хмурился и равнодушно листал бесплатную газетенку, которую тут подбрасывали на столики.

– Кеша...

– Да?

– Посмотри – вон там, в противоположном углу... – хитро произнесла Эмма Петровна.

– Что? – Он, вздрогнув, обернулся.

– Девушка, в синем костюмчике... Рыженькая. И, по-моему, очень славная!

– Мама-а! – укоризненно протянул Викентий. Похоже, на рыженькую красотку ему было наплевать.

– Ну что – мама? Поди да познакомься... Видишь, она тоже в нашу сторону косится!

– Не буду я ни с кем знакомиться! – взбеленился Викентий.

– Будешь эту свою вспоминать?..

Он помолчал немного, отхлебывая кофе из чашки, а потом произнес тихо, с каким-то исступлением:

– Буду.

– Глупо, – холодно возразила Эмма Петровна. – Она того не стоит.

– Откуда тебе знать, стоит или не стоит?..

– Послушай, мы же уже сто раз это обсуждали и решили...

– Мама, я передумал, – перебил Викентий. – Знаешь, я хочу помириться с Олей.

– Что? – Эмма Петровна сделала вид, будто ослышалась.

– Я хочу с ней помириться, – раздельно произнес сын. – Я готов ее простить.

– Господи, и это после всего, что она с тобой сделала... – ужаснулась Эмма Петровна.

– Да, она поступила ужасно, когда сбежала к этому типу, даже не предупредив никого. Но я понимаю, почему она это сделала.

– Почему? – обреченно спросила Эмма Петровна.

– Она очень переживала из-за ребенка. Я же это видел! И это был наш с ней ребенок, и до того она с этим типом не встречалась – да, мама, я в этом уверен, можешь не переубеждать меня снова... Именно потому, что ей было так плохо, она и сбежала. Что-то вроде временного помешательства с ней случилось... Она даже тете Агнии ничего не сказала!

– Ты уверен? – скептически поджала губы Эмма Петровна. – А мне кажется, они с теткой были в сговоре...

– Агния Васильевна не актриса, она не умеет так гениально притворяться! Она просто умирала от горя, не понимая, куда могла деться ее любимая племянница... Словом, я хочу помириться с Олей.

– Ты способен простить измену? – глядя сыну в глаза, спросила Эмма Петровна.

– Я не считаю ее поступок изменой, – сказал Викентий. – Я же говорю: тогда она не владела собой. Ей надо было сделать хоть что-то, и она совершила этот безрассудный побег. Но потом одумалась, к счастью...

– А я предполагаю...

– Мама, не надо! – снова перебил Викентий мать. – Я всю жизнь слушался тебя, но дай мне хоть раз сделать так, как я хочу! Возможно, я не прав, но это моя жизнь, понимаешь, моя!..

...Оля пришла с работы домой только в половине девятого и снова в нерешительности остановилась у телефона. Уже который вечер она хотела сделать это и боялась.

«Ладно, будь что будет...» – она набрала полузабытый номер.

– Алло! – лениво отозвался Игорь Старцев.

– Игорь, это я. Оля...

– Оля? Оля! – вдруг закричал он. – Лялик мой! Лялик, куда же ты пропала!

Трубка у Оли едва не выскользнула из рук. «Ну точно! Эти два месяца я была у него... Иначе с чего бы это он мне так обрадовался?..»

– Н-никуда я не пропадала... – нерешительно ответила она.

– А я ведь о тебе думал все это время и даже собирался позвонить. Вчера или позавчера собирался... – с нежностью

произнес Старцев.

«Если бы он сказал, собирался позвонить месяц назад или, например, прошлой зимой, то это значило бы, что я была не у него. Но он говорит – „позавчера“... Если я сбежала от него неделю назад, то все совпадает!»

Оле очень хотелось спросить напрямик: так, мол, и так, любезный друг, не у тебя ли жила я все это время, но что-то мешало ей это сделать...

– Игорь...

– Да?.. – промурлыкал он.

– Все пытаюсь вспомнить, как мы расстались... – начала издалека Оля. – Как это было, а?

– А я все помню! – укоризненно запыхтел ее бывший любовник. – Ты, можно сказать, сбежала от меня. Даже ничего не объяснив!

Оля уже окончательно запуталась. Слова Игоря снова можно было истолковать двояко... два года назад они перестали встречаться – все произошло второпях, действительно без каких-либо объяснений. Оле они тогда были ни к чему, да и Игорю тогда тоже. Он хотел свободы, она – семьи. Они без слов поняли друг друга, поняли, что их желания не совпадают, и расстались – практически безболезненно...

– Оля, приезжай ко мне. Прямо сейчас.

– Зачем?

– Ну что за нелепый вопрос! – засмеялся он. – Я соскучился.

– Неужели? А может быть, ты просто не успел ни с кем познакомиться этим вечером?.. – нервно засмеялась она, все больше склоняясь к мысли о том, что во время своего беспомысленства жила у Игоря.

– Лялик, Лялик, не иронизируй! Ты знаешь, как я к тебе отношусь... – недовольно запыхтел он. – Хочешь пожениться, а? Я, кажется, уже готов! – с неожиданным вдохновением воскликнул он. Видимо, эта идея только что пришла ему в голову. – Ведь, сколько я тебя помню, ты всегда мечтала о замужестве.

– Я тебе никогда ничего не говорила...

– Не говорила, но это всегда читалось у тебя в глазах! Лялик, солнце, приезжай! Или хочешь – я к тебе сейчас приеду?..

«Как он настойчив... Точно – неспроста! Неужели целых два месяца я провела с этим человеком? И чем таким мы занимались, что он с места в карьер бросился делать мне предложение?!»

– А... я никогда не казалась тебе... странной?.. – осторожно спросила она.

– Не видел ни одной нормальной женщины! – засмеялся он. – У всех у вас какие-то проблемы...

Неожиданно на Олю снизошло озарение.

– Старцев, а что ты делал этой весной? В апреле, например...

– В Египет ездил...

Оля посмотрела на свои руки. Бледные, без всякого намека на загар, и почувствовала что-то вроде облегчения.

– Один? – на всякий случай спросила она.

– Ну, не один... – неохотно признался он. – Но ты не должна меня ревновать, у нас с этой особой все в прошлом. Даже больше скажу, она оказалась такой стервой! – В голосе его было отчаяние. – Ты на ее фоне – ангел, самый настоящий ангел! Я потом много думал и решил, что лучше тебя у меня девушки не было... Ну, так я приеду сейчас?

– Нет! – поспешно сказала Оля. – Я... я на самом деле сама не знаю, зачем тебе позвонила.

– Но, Лялик...

– Нет! – закричала Оля. – И... и все, прощай!..

Она бросила трубку на рычаг.

«Это не Игорь Старцев!» – с облегчением подумала она. Но тут же вновь напряглась: если не Старцев, то у кого же она была все это время?

Давным-давно был у нее еще один кавалер, но он уехал в Германию лет шесть назад и там женился. Больше никаких вариантов не было.

«А с чего я взяла, что жила у мужчины? – тогда спросила себя Оля. – Может, какая-нибудь добрая женщина приютила меня. Или я жила в чьей-то семье... Разве мало милосердных людей на этом свете?..»

В этот момент раздался звонок в дверь.

Оля испугалась – в первый момент у нее мелькнула мысль,

что это Игорь Старцев, но разве мог он так быстро добраться до нее...

Дрожа от какого-то неопределенного, мучительного волнения (ведь в любой момент перед ней могла открыться разгадка ее исчезновения – и кто знает, какой она будет?..), Оля заглянула в глазок.

На лестничной площадке перед ее дверью стоял Викентий с букетом роз. Оля распахнула дверь.

– Ты... – прошептала она. – Ты вернулся?..

– Я люблю тебя, – сказал он.

Они обняли друг друга. Оля едва держалась на ногах, происходящее ей казалось сном. Лишь бы только не проснуться!..

– И я люблю тебя... – прошептала она. – Я люблю тебя больше жизни. Мне ничего и никого не надо, только ты, ты, ты...

– Обещай, что больше не сбежишь от меня.

– Обещаю. А ты обещай мне, что не будешь напоминать мне о прошлом! – взмолилась она.

– Обещаю! – печально засмеялся Викентий, целуя Олю.

Часть вторая

...В открытое окно первого этажа, гудя, влетел шмель.

– Кыш, кыш!.. – свернув газету, Оля сердито погнала его обратно. Шмель тяжело развернулся и скрылся в саду.

А Оля так и осталась стоять у распахнутого окна.

В саду, на клумбах, буйно цвели анютины глазки. Чуть дальше, у забора, сыпались белоснежные лепестки с яблонь, словно метель мела. А дальше, за забором, был лес.

Солнце стояло высоко – полдень.

Оля глубоко вздохнула, она все не могла привыкнуть к этому воздуху. После душной Москвы от свежести трав кружилась голова и сжималось сердце. Каждый вдох как глоток счастья.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнула Оля, отходя от окна.

В кабинет вошла полная дама в брючном костюме, обмахиваясь веером.

– У вас там написано, что вы до часу работаете, но я подумала...

– Ничего, садитесь, – кивнула Оля на стул. В самом деле, полчаса назад закончилось ее дежурство, но она никуда не спешила и никому не собиралась отказывать – такое безмятежное, нестерпимое счастье было разлито в воздухе...

Она измерила даме давление, послушала ее сердце, зада-

ла несколько вопросов: чем та болела, у каких специалистов еще наблюдается? У дамы, помимо небольшого давления, никаких проблем не было.

Оля выписала ей справку для бассейна, рекомендовала циркулярный душ, массаж, обертывания лечебной грязью и попросила не слишком увлекаться баней.

Дама, обмахиваясь веером, с энтузиазмом выслушала Олины советы.

Та проводила пациентку, а затем сняла белый халат и повесила его в шкафчик. Заперла окно.

Затем закрыла кабинет и пошла по длинному коридору. Кабинет Павла Павловича находился в самом его конце.

– Пал Палыч! – крикнула Оля в распахнутую дверь. – Вы здесь?

– Здесь...

– Я закончила, – Оля вошла внутрь и положила ему на стол ключи.

Пал Палыч, заведующий санаторной поликлиникой, пил чай. На блюде рядом стопкой возвышались бутерброды с колбасой.

– Что так поздно, Журавлева? – строго спросил он, отхлебывая из стакана.

– Дела всякие... – улыбаясь, пожалала она плечами. Пал Палыч, хоть и обладал грозной внешностью – растрепанная седая шевелюра, гигантские кустистые брови, – был человеком абсолютно незлобивым. Его никто из персонала не боялся,

хоть он и строил старательно из себя сурового начальника.

– Есть хочешь? Жена дала бутерброды... А колбаса, между прочим, из Украины! У жены там родня... Вкусно до невозможности!

– Да? – рассеянно пробормотала Оля. – Чего-то летом совсем нет аппетита...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.